

91 (с19)

ЖК 5851

Б 24

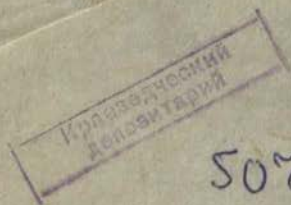
И. И. БАРАБЕДШ-НИКИФОРОВ

В СТРАНЕ ВЕТРОВ И ТУМАНОВ

/ 2 ГОДА НА КОМАНДОРАХ /

КОИЗ 1934

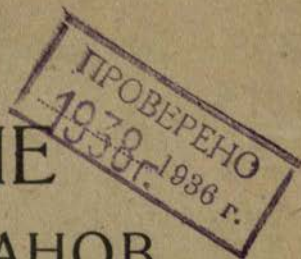

507625

Ур

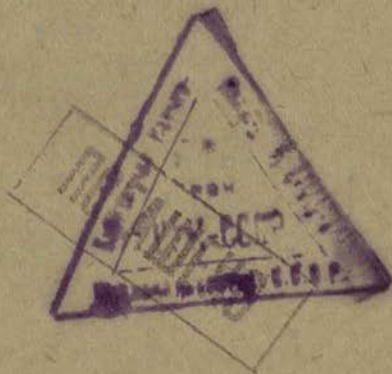
91
5-24
41487
Як 5851
И. И. БАРАБАШ-НИКИФОРОВ

В СТРАНЕ
ВЕТРОВ И ТУМАНОВ
(ДВА ГОДА НА КОМАНДОРАХ)

1947

С ПРЕДИСЛОВИЕМ ПРОФ. Н. А. БОБРИНСКОГО

ВСЕСОЮЗНОЕ КООПЕРАТИВНОЕ ОБЪЕДИНЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1934 ЛЕНИНГРАД

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
У цели	5
О Командорах вообще	8
О командорцах	12
Море в роли снабженца и некоторые больные вопросы на Командорах . .	18
Под вой пурги	20
Первое знакомство с каланами	22
Несколько штрихов нашего быта и кое-что о песцах	29
На песцовом промысле	34
На переломе к лету	47
Среди котиков	69
На острове Беринга	77
Вторая зимовка	84
Завеса приподнята	86

ПРЕДИСЛОВИЕ

Огромная научно-исследовательская работа охватывает сейчас даже самые отдаленные и глухие углы нашего обширного Союза. Полученные результаты печатаются в различных специальных изданиях, откуда они переходят в научно-популярную литературу. Но у нас еще очень мало книг, в которых в общедоступной форме излагались бы самый процесс и обстановка ведения научно-исследовательской работы. Именно эту задачу преследует книга И. И. Барабаша-Никифорова. В ней автор описывает свою двухлетнюю работу на Командорах по изучению котика, песца, сивуча и, главным образом, морского бобра (калана), биология которого оставалась до этого времени совершенно неизвестной.

Книга написана живо, увлекательно. Читая ее переживаешь вместе с автором все те, подчас захватывающие, необычные моменты, которыми так богата была его жизнь на заброшенном „на край света“ острове.

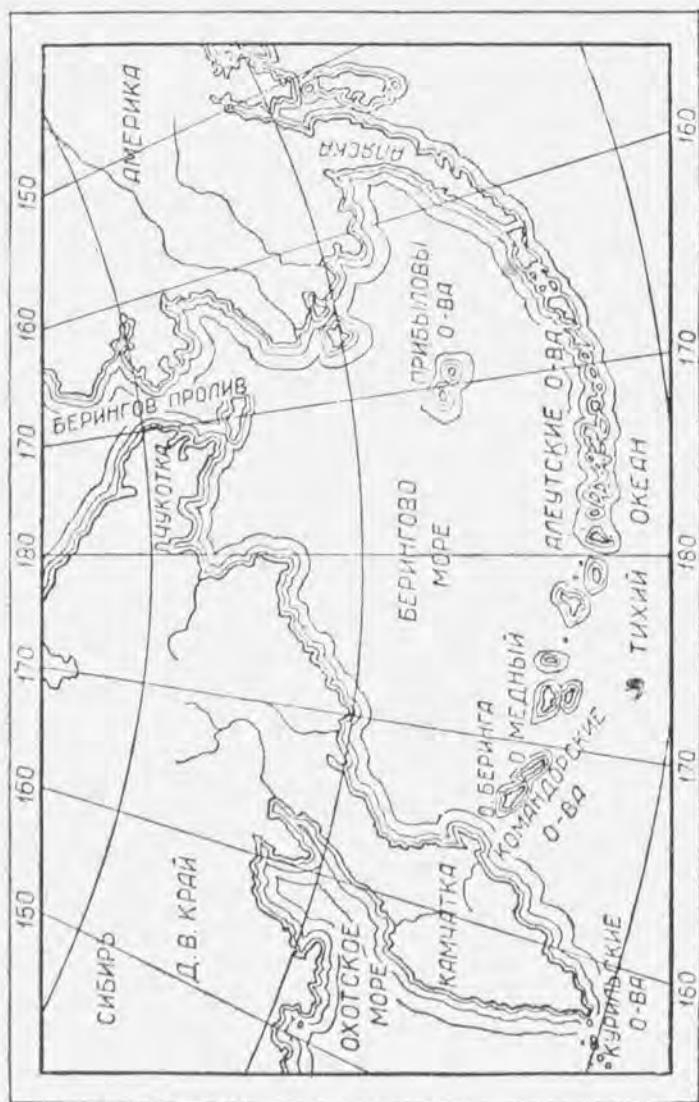
Книга знакомит с суровой природой вечно окутанного туманом скалистого острова Медного, с туземным населением последнего — алеутами, своеобразным маленьким народом, лишь недавно пробужденным от векового оцепенения и стоящим на грани новых форм быта; с жизнью почти не изученных представителей местной фауны.

В книге находит отражение острота переживаний, связанных с наблюдениями таинственного зверя калана, и те затруднения, которые встретились при организации первого опыта его приручения. На самом деле этих затруднений было гораздо больше.

Автору стоило больших усилий преодоление скептицизма и недоверия, ставших на пути к осуществлению его „затеи“. Слишком прочно вкоренилось убеждение в неприступности и исключительной дикости калана. И лишь упорное, шаг за шагом, проведение намеченного плана обусловило тот первый успех в этом предприятии, который открывает теперь перед нами реальные перспективы освоения драгоценного пушного зверя.

Книгу с живым интересом прочтет всякий интересующийся научными исследованиями, природой, промысловым зверем и бытом наших отдаленнейших окраин.

Н. Бобринский.

Карта побережий сев. части Тихого океана

„Ветры бывают на сем острове так жестоко сильные, что с великою нуждою человеку на ногах устоять возможно.. От тех жестоких ветров и снежной сверху и с гор пурги редко видели красной или чистой день..

А вешним временем и в лето великие беспрестанные дывают туманы и мокроты, и также мало случалось видеть приятного воздуха день“..

Из журнала флотского мастера Стефана Хитрова о Беринговом острове (1749 г.).

У ЦЕЛИ

Постукивая мотором и подрагивая каждой своей скрепой, подходил к берегу острова Медного старый, истрепанный кавасаки¹. То взлетая на гребни волн, то падая со звонким шлепаньем вниз, пересекал он бухту Преображенскую.

Суденышко везло на берег нескольких пассажиров с парохода „Minnie Moller“.

Пароход остался уже далеко позади. Его серый силуэт почти сливался с темным фоном волнующегося моря.

Прямо впереди, утопая в тумане, едва виднелись на берегу маленькие домики селения Преображенского. В некоторых из них светились огоньки, что еще больше подчеркивало густоту опустившихся раньше времени сумерок.

Справа и слева от селения возвышались сопки, обманчиво высокие благодаря туману, скрывающему их вершины.

У самого берега бухта замыкалась небольшой круглой выемкой—„ковшом“, отгороженной от моря рядом надводных камней. Точно зубы огромного чудовища щерились они в бурливой пене прибоя, и только проскочив эти камни и войдя в спокойные воды ковша, путники поверили наконец, что морской путь их закончен и что они ступят сейчас на твердую почву.

Был уже октябрь, и в Тихом океане почти не прекращались свирепые штормы. Ненадежная погода заставляла пароход все время держаться под полными парами. На Командорских островах нет защищенных бухт. Поэтому судам приходится при малейшем шторме уходить отсюда подальше, чтобы не быть нанесенными на предательские берега, изобилующие подводными камнями и рифами.

Разгрузка „Minnie Moller“ шла с лихорадочной поспешностью. Между пароходом и берегом безостановочно сновал катер, буксировавший кунгасы². Смуглые люди в синих робах³, зюйдвестках

¹ О. Медный — один из островов Командорского архипелага. Кавасаки — небольшая моторная баржа.

² Кунгас — небольшая баржа.

³ Роба — парусиновый американский рабочий костюм.

и резиновых сапогах показывали чудеса проворства и неутомимости, перетаскивая ящики и тюки со снабжением. Это были туземцы — алеуты. Мокрые с ног до головы они бесшумно работали и на берегу и на пароходе.

Пароход был последним в этом году и раньше весны нельзя было уже рассчитывать на завоз какого бы то ни было снабжения.

Так как погода не ухудшалась, принятые темпы работы вероятно благополучно довели бы разгрузку до конца. Однако в самый ее разгар пароход вдруг дал прощальный гудок и, снявшись с якоря, скрылся в волнующейся морской дали.

Напрасно ждали его возвращения встревоженные островитяне, напрасно высматривали его на рассвете следующего дня. Пароход скрылся окончательно. С ним ушло много снабжения; увез он и трюмный багаж высадившихся пассажиров. В то же время он оставил на берегу пару своих кунгасов и пять китайцев команды.

„Minnie Moller“, или „Минниха“, как называли пароход пассажиры, представляла собой старое, но еще довольно крепкое судно, зафрахтованное нашим правительством у одного из шанхайских судовладельцев.

Английское командование парохода более чем равнодушно относилось к выполнению своих обязательств. 67 суток (вместо нормальных 10—12) потратил пароход на путь от Владивостока до Командор. Два раза он терпел аварии, три раза возникал на нем пожар. Загорался от небрежного хранения уголь, сваленный куда-то в трюм, и, так как палуба парохода была загружена бочками с бензином, пассажиры не раз находились под угрозой взрыва.

Чрезвычайно тяжел, хотя и интересен, был этот путь для пассажиров.

Истощенные и обессиленные продолжительным путешествием и сильными штормами, не раз трепавшими пароход, достигли они, наконец, Командор.

Среди них находился и автор этих страниц, прибывший вместе со своим молодым другом и помощником на остров Медный для зоологических исследований.

На острове им привелось прожить два года. Впечатления этих необычайных двух лет и составили содержание настоящей книжки.

Мы вступили на берег о. Медного, захваченные всем интересным и заманчивым, что таил в себе этот остров.

Командоры — единственное место у нас в Союзе, куда ежегодно приваливают для размножения стада котиков, здесь (и

именно на о. Медном) сохранился еще редкий драгоценный зверь калан (морской бобр), здесь же обитает высокосортный голубой песец.

Судьба Командор была обычной судьбой отдаленных уголков царской России. Командоры издавна привлекали к себе внимание ряда предпринимателей, наживавших целые состояния на операциях с дорогой пушиной. Выкачивание пушнины без всякого ограничения привело в конце концов промысел Командор к полному упадку.

Только после революции, которая докатилась до Командор в сущности лишь к 1924 г., разрушенное пушное хозяйство Командор вступило в фазу своего восстановления.

С этого времени заготовка пушнины на островах перешла к государству, и в промысел был введен ряд ограничений. Запрещена добыча неполноценного молодого или не вполне вылинявшего песца, объявлен полный запрет добычи калана и выделен для него специальный заповедник, подвергся строгой регулировке и котиковый промысел.

Словом, на островах организовывалось правильное пушное хозяйство, в основу которого клались последние данные науки.

Такие перемены начали уже благотворно сказываться на подорванном хозяйстве, но все же для полного его восстановления требовалось еще много лет упорного труда и борьбы. Именно в этот период борьбы, ошибок, успехов и неудач мы и попали на Командоры.

Моей задачей было изучение биологии калана.

Калан — ценнейший из пушных зверей, шкура которого в довоенное время расценивалась от двух до четырех тысяч рублей. Принадлежит он к хищным животным подсемейства выдр и правильнее всего поэтому было бы назвать его морской выдрой. Но на Командорах он известен под именем „морского бобра“ или просто „бобра“.

Этот редкий зверь, уцелевший у нас только на о. Медном и у южной оконечности полуострова Камчатки, был еще очень слабо изучен.

Без малого 200 лет назад наблюдал каланов и затем описал их участник экспедиции Беринга натуралист Стеллер. С тех пор никто не вел систематического изучения калана, и большинство сведений о нем основывалось лишь на этом старинном описании.

На мою долю выпало счастье не только заниматься изучением, но и провести первый опыт приручения удивительного зверя, за которым давно сложилась репутация необычайной дикости и недоступности.

Нужно ли говорить, насколько была привлекательна предстоявшая мне задача.

О КОМАНДОРАХ ВООБЩЕ

Весьма юный по геологическому возрасту Командорский архипелаг обязан по своему происхождению вулканическим силам. Поднявшийся со дна океана горный хребет, положивший начало группе Командорских островов (о. Беринга, о. Медному и двум маленьким островкам Топоркову и Сивучьему), в течение последующих веков подвергался разрушительному атмосферному влиянию, особенно энергично проявившему себя на о. Беринга.

Южная часть этого острова очень крута, но по мере приближения к северу очертания горного хребта приобретают более спокойный характер.

Ландшафт на о. Беринга (впереди костяк кита; вдали видны столовые горы)

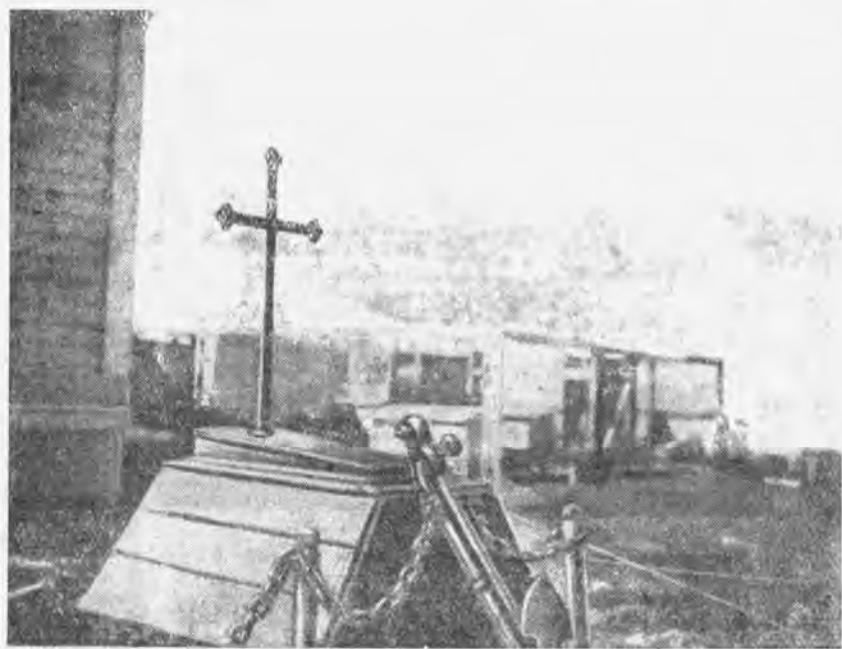
В северной части хребет переходит в широкое плато с плоскими, так называемыми, столовыми горами и несколькими отлогими террасами, которыми плато спускается к морю.

Здесь же, в северной части острова, особой мощности достигают дюнные образования; их рост не прекращается и в настоящее время. Как раз у места залегания наиболее широких и высоких дюн находится единственное селение о. Беринга — Никольское.

По пути на о. Медный наш пароход останавливался у этого селения, и мы успели его осмотреть. Оно состояло из ряда деревянных домиков. На окраине, на пригорке, виднелась радиостанция. Тут же помещалась привязь ездовых собак. На плотно утрамбованной площадке сидели и лежали, оглашая воздух громким лаем, десятки крупных кудлатых псов.

Возле бывшей церкви, превращенной в клуб, мы увидели крест, обнесенный оградой — памятник Берингу. Памятник был свежо покрашен в серую краску.

Военные суда, заходящие на о. Беринга, по установившейся традиции, в знак уважения к мореплавателю время от времени подновляют этот памятник. Невольно вид этого креста воскресил в памяти трагическую историю, разыгравшуюся когда-то на этом острове.

Памятник командору Витусу Берингу (о. Беринга)

1741 год. Бурная ноябрьская ночь. Изувеченное штормами судно „Св. Петр“, направлявшееся с экспедицией Витуса Беринга к берегам Америки, с минуту на минуту ожидало гибели. Сильный порыв ветра и судно выброшено на риф какого-то неизвестного скалистого берега¹. Полуживые от усталости и болезней люди принялись с огромными усилиями устраивать себе жилища. Выкапывали ямы,

¹ Беринг и его спутники приняли его сперва за берег Камчатки.

покрывали их парусами, сверху засыпали песком для большей защиты от холода. Сносили сюда тяжело больных, в числе которых был и командор Беринг, вскоре скончавшийся.

Экипаж разбитого судна провел здесь невероятно тяжелую зиму, испытывая нужду во всем самом необходимом и питаясь исключительно различными морскими животными. Обнаглевшие песцы, в большом количестве обитавшие на острове, кусали беспомощных больных, отнимали у них пищу.

Свирепствовала цынга, и к концу зимовки из 77 человек экипажа осталось в живых лишь 46. Дождавшись весны, они построили из обломков „Св. Петра“ суденышко и на нем переправились на Камчатку.

Открытый при таких трагических обстоятельствах архипелаг получил впоследствии название Командорского, а больший из его островов, на котором зимовал экипаж „Св. Петра“, был назван о. Беринга.

Место крушения корабля экспедиции Беринга (о. Беринга)

Второй по величине остров архипелага назван островом Медным благодаря месторождению на нем меди. По справедливости его следовало бы назвать островом Стеллера по имени спутника Беринга, талантливого натуралиста, оказавшего большие услуги науке своими исследованиями. К тому же выходы меди на этом острове незначительны и никакого практического значения не имеют.

Мрачно и безрадостно первое впечатление от острова Медного. Дикое нагромождение крутых скал, у подножия которых яростно пенится неумолчное море, вершины же укутываются густой завесой вечных туманов, создает фантастическую картину первозданного хаоса. Она действует подавляюще. К ней надо привыкнуть.

О. Медный резко отличается своим строением от о. Беринга. Здесь нет округлых очертаний, нет спокойных плато. Здесь наиболее активно проявили себя вулканическая деятельность и горообразовательные процессы. По сравнению с ним о. Беринга кажется издали какой-то плешью, выглядывающей из моря.

Хребет, слагающий о. Медный, состоит из островершинных гор (сопок высотой до 600 метров) с крутыми, иногда отвесными склонами. Процесс разрушения горных пород привел здесь к образованию пещер, оползней, отдельных камней и скал самых разнообразных и причудливых форм.

Ландшафт на о. Медном

На этом суровом ландшафте жалким кажется небольшое селенье, расположившееся в расщелине двух сопки, в бухте Преображенской. Деревянные домики американского типа выстроились по обе стороны быстрой горной речушки. Журчание ее сливается с шумом прибоя и ветра¹ и к этому однотонному шуму примешивается своеобразный отрывистый лай песцов. Точно тени бродят между домами дымчатые пушистые комки; свернувшись калачиками лежат тут же, не обращая внимания на проходящих людей. Полная неприкосновенность сделала

¹ Благодаря расположению селения в глубокой долине, как бы в коридоре, стенами которого служат сопки, оно постоянно продувается не только общими, но и местными ветрами, достигающими иногда очень большой силы.

зверьков необычайно смелыми. Вначале нас поражал вид постоянно околачивающихся в селении песцов. Впоследствии мы так к этому привыкли, что уделяли им ровно столько же внимания, сколько уделяли бы обыкновенным дворовым псам.

О КОМАНДОРЦАХ

Наша жизнь на острове понемногу входила в колею. В одной из комнат отведенного нам домика, на берегу моря, устроили мы свой рабочий кабинет. Стол для занятий, шкаф с книгами и маленький диванчик составили его обстановку. Карта о. Медного, радиоприемник и развешенные на стенах винчестер, дробовик, фотоаппараты, бинокли и прочие предметы экспедиционного снаряжения дополнили убранство этой комнаты. Рядом помещалась лаборатория с обычными склянками на полках и баррикадами из цинковых ящиков для материала.

Селение Преображенское на о. Медном

Одной стороной домик повернулся к морю, и во время сильных штормов в стекла окон ударялись брызги прибоя.

В долгие зимние вечера, когда на дворе свирепствовала пурга, уютно было сидеть в этом домике с книгой в руках у лампы и слушать шум ветра и моря. Временами в этот шум вплетался отдаленный лай песцов, когда же эти зверьки

забирались под дом, из-под пола доносились их взвизгивания и звуки возни.

По вечерам к нам часто заходили невольные зимовщики на острове — китайцы с „Minnie Moller“. Они подолгу сидели рассказывая при помощи жестов и скудного набора слов о своем родном городе Чифу и об оставленных там семьях. По пути с радиостанции заглядывал „на огонек“ радист. Радио служило единственным средством сношения с внешним миром в продолжение всей долгой зимы, и приход радиста ожидался всегда как свежий номер газеты. Радовала каждая выловленная из эфира крупница вестей о жизни на далеком материке.

Посещали нас и алеуты, но о них надо рассказать поподробнее.

Родственная северо-американским эскимосам алеутская народность, принадлежащая наравне с чукчами, коряками, камчадалами и айнами к группе палеазиатов, издавна населяла северную часть Аляски и алеутский архипелаг. Камандорские острова не были ею заселены и периодически лишь посещались наезжавшими сюда отдельными промышленниками.

В 1779 г. Российско-Американская компания получила монополию на эксплуатацию пушных богатств Командор и, задумав заселить острова промысловиками, в первые же годы своего владения сделала попытку колонизировать их.

В 1805 г. компания забросила десять промышленников на о. Медный и одного (!) на о. Беринга. О судьбе их она не только не заботилась, но и вовсе, видимо, забыла, так как следующее судно послало на острова лишь в 1812 г. Судно нашло поселенцев в состоянии крайнего бедствия. Несколько человек за это время умерло, остальные были на грани между жизнью и смертью. Особенно замечательна судьба одинокого поселенца о. Беринга. В течение семи лет ему пришлось прожить на положении Робинзона, не имея ни припасов, ни оружия, ни инструментов.

Значительно позже (1825—1826 гг.) Российско-Американской компанией было переселено на Командоры несколько семей алеутов с ближайших островов алеутской гряды Атту и Атхи. К этому основному ядру, с течением времени, присоединялись представители самых разнообразных народностей; примешивалась кровь от новых переселенцев и моряков. В результате — в современном алеуте мы можем найти смешение черт, начиная от эскимоса и кончая негром.

Алеуты и сами себя называют креолами. Но, несмотря на все обилие пестроты крови, они в значительной степени сохранили свои основные типичные черты. Они смуглы, низкорослы, скуласты, имеют черные, несколько косорезанные глаза, черные волосы и редкую растительность на лице; ноги у большинства кривые.

Говорят алеуты на алеутском и на ломаном русском языке. При этом язык беринговцев, выходцев с о. Атхи, отличается от языка медновцев, ведущих происхождение с о. Атту. Нередко даже жители одного острова не понимают жителей другого и в разговоре должны прибегать к русскому языку.

Семья алеутов.

Для примера приведу несколько записанных на обоих островах названий животных:

Сивуч	у медновцев	„кабѧх“,	у беринговцев	— „кагхѧх“
Котик	„	„аглян“	„	— „атѧгех“ ¹
Морж	„	„абѧях“	„	— „амгѧдах“
Утка-савка	„	„ѧнглах“	„	— „аналѧгхрых“

В общем алеутский язык отличается обилием придыханий, трудно уловимых оттенков в ударениях и поставленных в ряд шипящих. По-русски алеуты объясняются вполне свободно, но большинство сильно коверкает слова. Нужно сперва привыкнуть к их своеобразному произношению, чтобы понимать их.

Алеуты, даже и те, которые окончили школу, не различают в произношении и письме букв „о“ и „у“, „ч“ и „ц“, „с“ и „ш“, „ж“ и „ѧ“ (говорят и пишут например „оси“ вместо „уши“, „очительничо“ вместо „учительница“, „пишчи“ вместо „песцы“, „зе-зни“ вместо „жизнь“ и т. д.)

Вот первый попавшийся отрывок из караульного журнала, который ведется промышленниками о. Медного, с полным сохранением его транскрипции (мною расставлены только знаки препинания, чтобы сделать более понятным смысл текста):

¹ Собирательное для всего котикового стада. Дословно „зверь“

„День билу пасмурно, по горам томан. Бохта бобровое ведали два бобри, разезался зать и перуть; возле севоче каминь есчо три оденочное бобри. Больше бобров не бело, ушле на капосто. На лайде ведали два пишчи“¹.

Алеуты почти не сохранили своих национальных одежд. В большинстве они, как и русское население Командор, ходят и летом и зимой в американских робах, японских резиновых сапогах и зюйдвестках. Вполне заслуженно резиновым сапогам они

Алеут в походном снаряжении

часто предпочитают сапоги своего изделия из нерпичьей кожи — „торбаса“. Они и легки и непромокаемы. Из других принадлежностей туземного наряда лишь у некоторых алеутов сохранились

¹ „День был пасмурный, по горам туман. В бухте Бобровой видели двух бобров, плавали (дословно — разъезжали) взад и вперед; возле Сивучьего камня (видели) еще трех одиночных (т. е. без детенышей) бобров. Больше бобров не было, ушли на капусту (т. е. в заросли морских водорослей). На лайде (береговой полосе) видели двух песцов“.

еще „лавташны“ — штаны из нерпичьей шкуры и „камлейки“ — рубахи, сшитые из кишек нерп, котиков или сивучей. В свернутом виде камлейка имеет объем сложенной в трубку салфетки. Ее держат в дороге в заплечном мешке и, в случае надобности, натягивают поверх обычного платья.

Когда-то алеуты славились своими байдарками — лодками из сивучьих кож, на которых они проделывали чудеса ловкости и смелости, гоняясь за морскими бобрами. Теперь это давно отошло в область преданий, и лишь несколько стариков знают еще искусство постройки байдарок. В настоящее время для передвижения по морю алеуты пользуются обыкновенными шлюпками. Зимой же при сухопутных переходах обязательной принадлежностью походного снаряжения являются лыжи.

Первоначально алеуты жили в убогих хижинах — землянках. С тех пор сохранились еще на Командорах названия „юрта“, „юрташка“. Американские арендаторы настроили алеутам домики, мало пригодные в условиях Командор. Не приспособленные к сырому командорскому климату они скоро пришли в ветхость. Продуваемые ветром, требующие зимой непрерывной топки (что в местных условиях связано с громадными затруднениями) домики эти до самого последнего времени служили жилищем большинству туземцев. В них царили темнота и сырость. После революции на Командорах началась постройка новых домов. И хотя доставка строительного материала сопряжена здесь с огромными трудностями — постепенно, семья за семьей, алеуты переходят из своих жалких лачуг в просторные, светлые помещения.

О моральном облике алеутов у человека, знакомого с этим народом лишь по литературным данным, складываются самые противоречивые представления. Зачастую один автор приходит в восторг от положительных качеств алеутов, а другой наделяет их самыми отрицательными чертами. Истина ближе к середине. Алеуты в достаточной мере обладают положительными качествами; но не свободны и от многих отрицательных.

Честность алеутов восхищает и приводит в умиление посетителей Командор. Действительно, за два года жизни на о. Медном мы были свидетелями всего одной кражи, но и та была совершена не алеутом. Только спирт и сладости представляют иногда для алеута непреодолимый соблазн, деньги же его мало прельщают. При мне как-то алеут принес одному из русских служащих оброненный им бумажник с крупными деньгами.

Жителей материка такая честность конечно поражает, но она объясняется довольно просто. Ценность денег для командорцев совершенно не та, что для жителей материка. Алеуты на островах мало нуждаются в деньгах. Все трудоспособные мужчины алеуты состоят на службе в пушном хозяйстве. Все, что требуется в их скромном обиходе они забирают из магазина в счет своего жалованья, остатка же денег им часто бывает некуда девать.

Даже в случае прибытия парохода деньги им почти не нужны, так как большинство сделок заключается в меновых операциях.

Представление о стоимости вещей у алеутов бывает иногда фантастическое. За какую-нибудь старую никуда не годную дрянь с вас могут запросить 20—30 рублей, в то время как за стоящую вещь назначат 20—30 копеек.

Приятной особенностью алеутского селения является то, что, несмотря на все пристрастие туземцев к хмельному, вы никогда не слышите здесь брани и пьяных выкриков, не видите дебошей и драк.

Алеуты очень трудолюбивы в своем исконном занятии — промысле или морском деле. Но безмерно ленивы в любой прочей работе. Нужно обладать большим терпением, чтобы спокойно созерцать, как после каждых двух-трех взмахов топором или лопатой алеут останавливается, чтобы покурить или просто постоять, застыв в безнадежно ленивой позе и устремив скужающий взгляд в пространство.

Алеуты вспыльчивы и обидчивы, но довольно скоро забывают обиду. Случалось горячо поспорить и поссориться с алеутом, а на следующий день он, как ни в чем не бывало, являлся с детской улыбкой на лице и какой-либо рыбой или птицей в руках — подарком от избыточного лова или охоты.

Царское чиновничье управление островами пристрастило алеутов к казенной бумажке, которой они придают величайшее значение, к канцелярским выражениям и вообще ко всем внешним атрибутам этого строя. Даже в письмах своих алеуты подписываются — „верно“, такой то, любовное же послание одного алеута к алеутке заканчивалось после признания в любви неподражаемым — „даю вам заключительное слово“...

Более мрачным наследием темного прошлого является сильная тяга туземцев к алкоголю. Старые арендаторы островов спаивали алеутов спиртом, теперь же, за неимением его, алеуты прибегают к хмельным напиткам своего изготовления. Печальнее всего, что на это в большом количестве идет сахар, иногда весь паек семьи. Таким образом дети лишаются одной из составных частей своего питания.

Слишком много плохого видели алеуты от своих прежних русских правителей и неудивительно, что они еще и сейчас с недоверием относятся к каждому приехавшему с материка. Для алеутов центр вселенной — Командоры с их традициями и своеобразными бытовыми условиями, и переубедить их в установившихся раз навсегда взглядах — дело необыкновенно трудное.

Но зато как приятно отмечать каждый признак морального роста этих людей. На наших глазах вовлекались они в общественную жизнь.

Хорошо помню первые посещения нами общие собрания на о. Медном. Жмущиеся по углам фигуры, абсолютное молчание женщин, пассивность мужчин. Трудно поверить, что всего через какой-нибудь год на подобных же собраниях мы были свидете-

лями самых горячих споров, в которых принимало участие не только большинство мужчин, но и женщины. Последние даже выступали с самостоятельными докладами, о чем вначале и мечтать не приходилось.

Частыми нашими гостями были два пожилых алеута — „старые секачи“¹, как они сами себя называли, заливаясь всякий раз при этом добродушнейшим смехом.

Неразлучные друзья, они всегда появлялись вместе, просиживали вечер и за чаепитием рассказывали нам много интересного из своей богатой приключениями промысловой практики.

С особенным увлечением повествовали они о столкновениях с хищниками — японцами, налеты которых в былое время составляли обычное явление на Командорах. Бывало, дня не проходило, чтобы у островов не появились хищнические шхуны. Алеуты подкарауливали их, притаившись за скалами, случалось, захватывали в плен высадившихся на берег японцев.

Много места в наших беседах уделялось наиболее интересовавшему меня вопросу — взгляду алеутов на морского бобра. Но ничего утешительного для себя почерпнуть я здесь не мог.

Друзьям, как и всем старым алеутам, калан представлялся таинственным, необычайным животным, самую же мысль о приручении его они считали чуть ли не кощунственной.

— Какой тебе может быть ручной бобр. Никогда такою не было и не будет, — убежденно заявляли они. — Ты и до селения его не довезешь, как он умрет. Не переносит этот зверь человека...

МОРЕ В РОЛИ СНАБЖЕНЦА И НЕКОТОРЫЕ БОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НА КОМАНДОРАХ

Вскоре после нашего приезда селение было обрадовано приятным сюрпризом. К острову прибило труп кита. Тотчас же к нему направилось несколько человек, вооруженных топорами и ножами.

Белое, полосатое от продольных борозд, вздутое брюхо кита казалось снежным пятном на темном фоне рифа. Алеуты взобрались на него и весело принялись за работу. Вскоре у каждого оказался полный мешок твердого, пахнущего вонючей салом сала. Самая туша была разрублена на части и раскидана по лайде² для подкорма песцов.

¹ Секач — старый котик самец.

² Лайда — береговая полоса.

Туземцы мало чувствительны к запахам. Нередко в течение всей зимы они питаются китовым салом и протухшим от плохого засола котиковым мясом.

Нельзя сказать, чтобы это было вызвано необходимостью. При более внимательном отношении к засолу можно легко предотвратить порчу мяса.

Алеуты рубят выброшенного на риф кита (белое поле, на котором стоят алеуты,—брюхо кита)

У туземцев вообще есть много возможностей обеспечить себя на зиму разными продуктами. Море кишит летом рыбой, берега местами сплошь покрыты гнездами птиц, осенью тундра усыпана ягодами и грибами.

Из всего этого богатства не всякий туземец удосуживается запастись себе бочку-две рыбы. А между тем для заготовки такого количества нужно затратить всего один-два дня.

Развитие огородничества и скотоводства на островах также могло бы значительно улучшить питание туземцев.

Могло бы развиваться и молочное хозяйство, при применении силосования¹. Но туземцы издавна прониклись убеждением,

¹ Сушить сено в достаточном количестве очень трудно, благодаря крайне влажному климату Командор.

что все необходимое им должен доставлять материк. Они предпочитают терпеть голод (в случае недозавоза продуктов), чем своевременно заготовить себе достаточный запас пищи из местных источников.

Вопрос питания—один из самых больных вопросов на Командорах. Если забота об обеспечении алеутов жилищами в силу необходимости и ложится на государство, то в отношении питания дело обстоит иначе. Не преступная ли расточительность — перевозить продукты из места, где в них крайне нуждаются, в места, где своих продуктов непочатый край, но они остаются неиспользованными. А между тем так именно и было все время на Командорах. Сейчас этому порядку выносится решительный приговор. Население Командор должно само прокормить себя, не полагаясь на завоз с материка.

Кооперирование населения, общественная заготовка продуктов, первые шаги в развитии огородничества и скотоводства— все это медленно, с большим трудом, но неуклонно проводится теперь в жизнь.

ПОД ВОЙ ПУРГИ

Почти два месяца неистовствовала пурга, не позволяя не только выйти из селения, но иногда и показаться за порог своего дома.

К счастью, в числе немногих благополучно выгруженных вещей нашего багажа, оказался ящик с новейшей художественной литературой, которой мы запаслись еще на материке. Чтение значительно скрашивало наше вынужденное заключение. Кое-что нашлось и в клубной библиотеке, хотя значительную часть ее полок занимала такая литература, как комплекты „Нивы“, книжонки для народного чтения, вроде „Наша доля — божья воля“, и некоторые книги духовного содержания. Выбранный в библиотекари я должен был перерывать все это добро, причем в мои руки попадали классические образцы той литературы, которой снабжало острова старое чиновничье управление. Особенно запомнилась мне книжка — „Женщина труда или судьба труженицы (роман из жизни современных приказчиц)“. Во вступлении к ней читателя осведомляли, что роман этот выходит еженедельно по две книжки законченными рассказами, „изобилующими массой потрясающих эпизодов из жизни современной приказчицы“... Другой не менее замечательной книжкой была — „Семейная жизнь в ее радостях и печали“, содержащая „правила житейской мудрости для мужей и жен“.

Очищенная от подобной скабрёзной литературы и всякого ненужного старого хлама и пополненная выписанной с материка новейшей литературой библиотека в конце концов приобрела сравнительно удовлетворительный вид.

Уезжая с о. Медного и помня, как много значило в нашей командорской жизни чтение, — оставили и мы все свои книги библиотеке.

Из произведений, пользовавшихся особым спросом у туземцев, следует отметить „Робинзона“ Дефоз. Книга эта бралась нарасхват и была зачитана и истрепана до последней степени.

Однако часто алеуты читали, не понимая содержания книги, ради самого лишь процесса чтения. К сожалению, непонятных для читателя-туземца книг было слишком много в нашей библиотеке.

На острове имелась кинопередвижка, и время от времени в клубе демонстрировались кинокартины.

Кино — это могучее орудие в деле просвещения масс — на таких окраинах, как Командоры, приобретает исключительно важное значение. За редким исключением алеуты всю жизнь проводят на своих островах и умирают, не побывав нигде за их пределами. Кино раскрывает перед ними иную, далекую жизнь, о которой они имели самое смутное представление. Командорские дети знали о дереве, лесе, поезде, ниве и т. п. обычных вещах только по букварям. Дети медновских алеутов, за исключением немногих побывавших на острове Беринга, к тому же никогда не видели ни лошади, ни собаки. И только кино дает им реальное представление всех этих понятий и значительно расширяет их узкий кругозор.

Туземцы обычно охотно посещают киносеансы, хотя зачастую самое содержание картины остается для них непонятным.

Как-то вечером к нам забежал один из алеутов объявить о том, что в клубе сейчас будет киносеанс.

— Какая картина пойдет? — спросили мы.

— Не знаю хорошенько, какая, — ответил посланец, — не то „Гига барбантов“, не то „Княгиня мира“.

Речь шла о „Борьбе гигантов“ и о „Княжне Мэри“. Названия эти, как и содержание картин, оставались совершенно непонятными туземцам.

Случалось и так. Кончается первая часть какой-нибудь веселой комедии в роде „Закройщика из Торжка“, проходит обычный перерыв перед второй частью, и, вдруг, перед вами на экране начинается разворачиваться потрясающая драма. В темноте кинооператор перепутал коробки с фильмами и пустил в качество второй части какую-то другую картину. Но никакие ваши указания и протесты не приносятся им во внимание. Сеанс продолжается как ни в чем не бывало. Ни оператором, ни зрителями не улавливается несоответствие частей.

Довольно часто в клубе устраивались вечорки с танцами.

Алеутские танцы представляют интересное зрелище. Они не имеют узко-национального характера, так как почти сплошь состоят из соединения американских, камчадалских и старинных русских танцев. Все они коллективные и для своего исполнения требуют столько времени, что обычно каждая вечорка посвящается только одному избранному танцу. Наиболее излюбленным танцем является „баланс“. Под однообразное наигрывание гармошки участники танца то медленно прохаживаются, то взяв-

шись за руки и образовав большой круг, приплясывают, то, разбиваются на бешено вертящиеся пары. Непривычному трудно не только принимать участие в этих танцах, но даже смотреть на них. Да и сами алеуты к концу вечеринки становятся похожими на людей, только что вышедших из жаркой бани.

Устраивались в клубе и музыкально-вокальные вечера при активном участии школы. Ставились и спектакли.

Среди алеутов есть хорошие артисты, но благодаря отсутствию опытного режиссера в их выступлениях нередко случались комические заминки. Публика, впрочем, не отличалась требовательностью и радовалась каждому лишнему поводу посмеяться.

Моей обязанностью было гримировать артистов, и в конце концов я научился довольно удачно приклеивать бороды, подводить морщины, наносить на щеки румянец. Чем больше после моей обработки артист становился неузнаваемым, тем больше это доставляло удовольствия и ему самому и зрителям.

Иногда после спектакля устраивался товарищеский чай.

Поздно расходились островитяне из клуба, освещая себе путь фонарями и, несмотря на это, то-и-дело проваливаясь по колени в сугробы.

Все эти развлечения вносили значительное разнообразие в монотонное течение жизни заброшенного на край света селения.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С КАЛАНАМИ

Наконец, пурга, израсходовав свои силы, улеглась. Прояснилось небо, и все вокруг мгновенно преобразилось.

Покрытые снегом сопки и огромные сугробы, похоронившие по самые крыши низенькие домики селения, ослепительно заблестели под лучами солнца.

Селение ожило. Молодежь высыпала за околицу кататься на лыжах и на нерпичьих шкурах, которые здесь заменяют салазки.

Крики, визг, хохот не смолкали в течение всего дня и доброй половины ночи. Все торопились наверстать упущенное за время длительной непогоды.

Стал собираться и я в первый свой поход к местам обитания калана. Нечего и говорить, с каким нетерпением ожидал я подходящей для этого погоды.

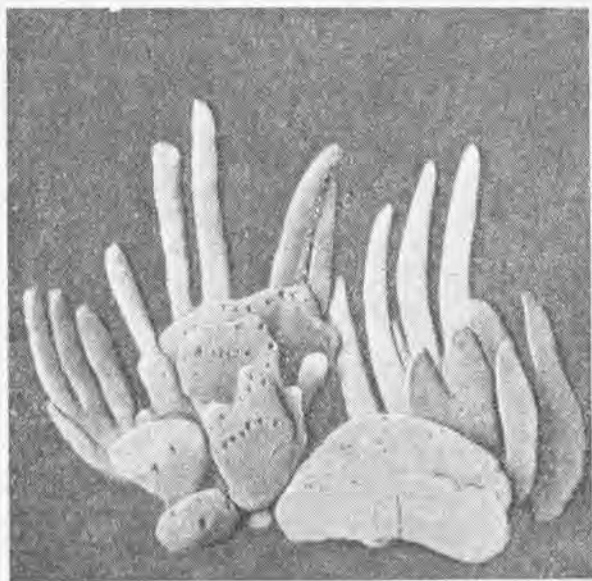
Нужно заметить, что согласно инструкции, данной когда-то бобровому караулу, выходы на бобровые наблюдения допускались исключительно лишь при западных и северо-западных ветрах, т. е. при ветрах, имеющих в местах наблюдения направление с моря на берег. Предосторожность эта диктовалась тем твердо установившимся мнением о чрезвычайной пугливости морских бобров, о котором я уже упоминал.

У алеутов существует поверье, что бобр, раз учуявший в каком-либо месте запах человека, вернется туда не раньше, чем „нарастет новая кожа на его носу“.

Часто сменявшиеся начальники острова Медного, в большинстве почти не видевшие морских бобров, считали непременно долгом упоминать в своих отчетах об их исключительной дикости. Убеждение это крепло, проникало в литературу и становилось традиционным во всех описаниях нравов калана.

Начиненный всем этим еще на материке и наслушавшись вдобавок рассказов промышленников на Командорах, я приступил к делу с большой осторожностью, терпеливо выжидая, согласно строгой инструкции, благоприятного ветра.

А между тем время шло. Стояла прекрасная погода, и мы успели уже обойти все доступные места в окрестностях селения. Их было, впрочем, немного. Берег моря проходим у селения на очень небольшом расстоянии, и сюда чаще всего направлялись наши экскурсии.

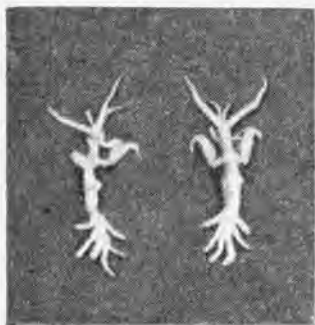

Группа губок

В этом царстве причудливых скал и камней особенно чувствовалась жизнь. Она глядела из каждой выемки на рифах, из каждой лужицы воды, задержавшейся после отлива. Здесь были и бурые колючие шары морских ежей, и фиолетово-черные грозди съедобных ракушек-мидий, и красивые разноцветные розетки морских анемонов-актиний. Временами попадались яркокрасные морские звезды или такие же яркие желтые и красные губки. На последних часто можно было видеть оригинальных мелких рачков-капрелл¹, столбиками торчавших на своих веерообразно расходящихся, похожих на корни, задних ножках.

¹ Caprella.

Между всем этим неподвижным населением сновали мелкие рачки-отшельники. Испуганные сотрясанием воды они втягивали в свою раковину ножки и скатывались на дно выемки, но вскоре снова высовывались и продолжали свою суетливую беготню.

Рачки-капреллы

Увлечшись всей этой картиной, мы не замечали, как за нами увязывался любопытный песец. Красуясь своей роскошной темнодымчатой шубкой, зверек забегал то с одной, то с другой стороны, вопросительно поглядывая на нас и время от времени потягивал.

Взобравшись на одну из береговых скал, можно было увидеть отсюда нерпу и даже сивуча. Время от времени алеуты стреляют этих животных с берега.

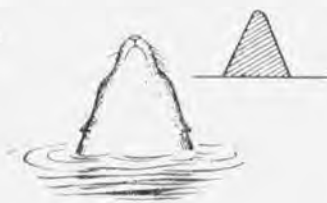
Охота эта протекает следующим образом. С винчестером в руках устраивается охотник на скале и просиживает здесь иногда целый день напролет.

Вот наконец появляется между гребней волн черная круглая голова. Это — нерпа. Сивуч показывается на поверхности воды иначе — мордой вверх, почему издали голова его кажется треугольником.

Зверь долго держится на далеком расстоянии, точно поддразнивая охотника. Наконец охотник решает прибегнуть к обычному у алеутов приему. Сняв свой дождевик, он накрывается им с головой, становится на видном месте и начинает равномерно раскачиваться из стороны в сторону. Как утверждают алеуты, прием этот возбуждает любопытство зверя и заставляет его приблизиться к охотнику.

Нерпа

Сивуч

Допустим, зверь подошел на нужное расстояние и убит метким выстрелом. Но самое трудное еще впереди — нужно его достать. Хорошо если состояние моря спокойно и позволяет выехать на шлюпке или если зверь убит близко от берега. В таком случае алеуты очень ловко применяют „выброску“. Это длинная бечева с привязанными на конце крючком и свинцовым грузилом. Снасть эту бросают до тех пор, пока крючок не зацепит убитое животное.

Но часто бывает невозможно ни выехать на шлюпке, ни достать зверя с берега. Тогда остается ждать, чтобы его выбросило прибоем. Пока это случится (если только случится вообще) животное сильно пообобьется о камни, чуточку, быть может, попортится и его мясо. Последнее, впрочем, ничуть не умалит для охотника ценность его добычи.

Выходили мы иногда и в тундру, но она подавляла своей безжизненностью. Только журчание речки, скрытой почти на всем своем протяжении под снежным покровом, да редкий крик ворона нарушали царившее там безмолвие.

Несколько раз уже случалось, что, выйдя утром из дома и с удовлетворением отметив благоприятный ветер, я готовился выступить в поход. Но моя радость оказывалась преждевременной, так как всякий раз я встречал решительные возражения против выхода. Оказывалось, что ветер „заворачивал“ куда-то, куда ему не следовало заворачивать, и поход откладывался до следующего случая.

Я уже окончательно терял терпение, когда явившийся ко мне посланец объявил, наконец, что в случае моего желания, я могу сегодня выйти на бобровое наблюдение. Все у меня было готово, и вместе с проводником-алеутом мы без промедления отправились в путь.

Станным казалось с непривычки выходить зимой в поход, имея на себе лишь фуфайку да полотняную робу. А между тем только в таком наряде и можно было совершать переходы по горам. И то когда мы достигли вершины ближайшей сопки, за которой начинался уже спуск к бухте Песчаной, пар валил от нас клубами.

Шли мы большую часть пути на лыжах и хотя я уже и практиковался в ходьбе на них, но конечно далеко отставал от своего проводника.

Алеутские лыжи очень удобны для ходьбы по горам. Они широки и коротки, что делает их устойчивыми и в то же время легкими для управления. Они подшиты нерпичьей шкурой, шерстью назад, и при подъеме в гору не скатываются вниз. Это, конечно, сильно облегчает ходьбу.

Как ни хотелось мне задержаться на перевале, чтобы полюбоваться прекрасными белоснежными сопками, расходящимися от основного хребта и обрамленными с двух сторон темно-

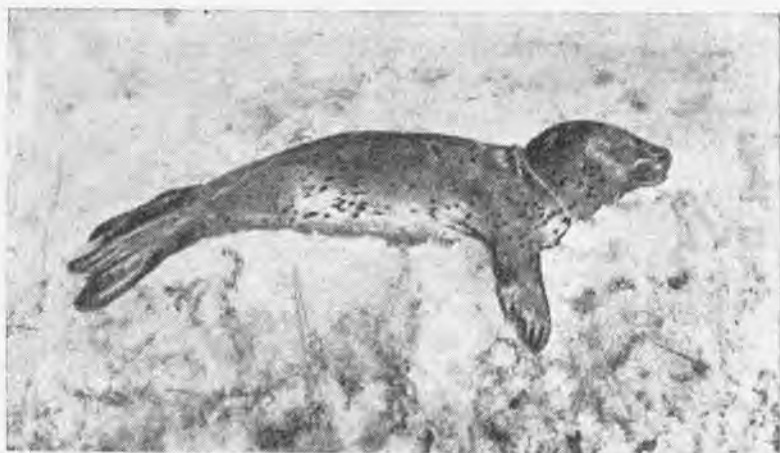

Выброска

заворачивать, и

свинцовым морем, но надо было спешить. К тому же царивший здесь ветер пронизывал насквозь и леденил разгоряченное тело¹.

Скатившись вниз к бухте Песчаной и пройдя некоторое расстояние по ее лайде, мы очутились перед небольшим домиком бобрового караула. На некотором расстоянии от него виднелся такой же второй домик, предназначавшийся для промыслового надзирателя, но пока пустовавший. Оба домика стояли на неширокой пересыпи, отделявшей от моря большое озеро Песчановское.

Добытый тюлень („акибка“)

На о. Медном замечается интересное явление постепенного поднятия всего северо-восточного побережья. В результате из бывших заливов здесь возникали сперва солоноводные, а затем опресненные озера. Очевидно и Песчановское озеро было такого же происхождения.

Бухта Песчаная лежит очень недалеко от бухты Преображенской, в которой расположено наше селение. Если бы существовал проход вдоль берега — покрыть это расстояние можно было бы в какие-нибудь полчаса. Но берег преграждается здесь рядом непроходимых отвесных скал „непропусков“. Поневоле приходится карабкаться через сопки, так как проехать сюда на шлюпке зимой почти невозможно.

Передохнув немного в караульном помещении, отправились мы в дальнейший путь.

Итти теперь все время приходилось падью и единственную трудность представляло лавирование между поворотами протекавшей здесь речки. Во многих местах она была занесена сне-

¹ Температура на Командорах никогда не бывает особенно низкой. Редко когда она спускается ниже 10° Ц. Но, при невероятно сильных ветрах, достигающих на о. Медном в среднем 10 метров в секунду, и этот мороз становится весьма ощутительным.

том, образовавшим над ней подобие висячих мостов. Так как снег не успел еще достаточно слежаться, нам приходилось с разбегу перелетать эти мосты на лыжах. При малейшей задержке можно было обрушиться в речку, что со мною однажды и случилось.

Перейдя невысокий перевал, мы очутились в Бобровой пади. Перед нами раскрылась бухта Бобровая. Ее вид и близость долгожданной встречи с каланом заставили меня развить предельную скорость.

Влево осталась занесенная снегом наблюдательская юрташка; еще немного и мы вышли к берегу бухты.

Вот он таинственный зверь, вокруг которого сплелось столько легенд. В поле моего бинокля обрисовывались непривычные еще контуры животных, плавающих на спине подобно лодочкам. Одни из них спокойно лежали, распластавшись на воде, точно на перине, другие барахтались, вертелись спиралью и ныряли.

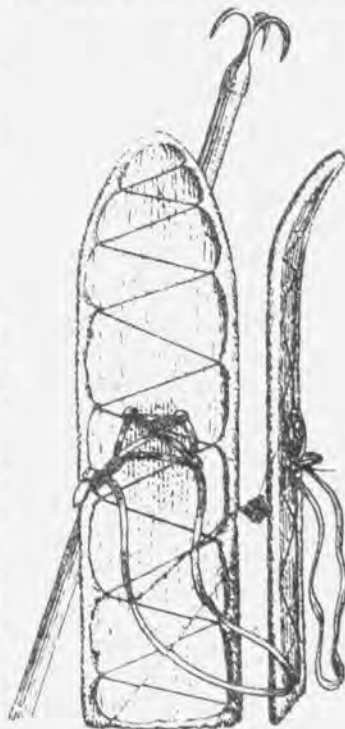
Чтобы рассмотреть их получше, мы спустились вниз, к самой воде. И вдруг, точно встречая нас, один из каланов отделился от табунка и, поминутно ныряя, стал приближаться к берегу. Уже хорошо была видна симпатичная усатая морда с подслеповатыми добродушными глазками, но в это время зверь повидимому заметил нас и круто повернул обратно.

Зрелище плавающих каланов было настолько захватывающим, что у меня не хватало решимости оторваться от него, чтобы погреться, по примеру проводника, в юрташке. Когда окончательно стемнело и надо было отправляться в обратный путь, я едва мог расправить закоченевшие члены.

Впрочем, бредя в темноте и натыкаясь поминутно на препятствия, я вскоре опять отогрелся.

Переночевав в бухте Песчаной, на утро мы снова вернулись сюда. На этот раз я увидел еще более любопытную картину. В табунке морских бобров плавало две матки с детенышами. Лежа на спине, матки держали передними лапами на груди по маленькому рыженькому бобренку.

Они лизали своих детенышей, переворачивали их с боку на

Алеутские лыжи

бок, приподнимали на воздух. Казалось видишь перед собою мать с ребенком.

Впоследствии мне часто приходилось наблюдать подобные картины, но никогда я не мог настолько привыкнуть к ним, чтобы смотреть на них равнодушно.

Нет ничего удивительного в том, что алеуты наделяют морского бобра многими человеческими свойствами. „Жили когда-то брат и сестра,—рассказывает алеутская легенда о происхождении бобров.—Они до того любили друг друга, что в конце концов поженились между собой, храня это, конечно, в тайне от всех. Когда об этом узнало селение, они не смогли перенести

Вид на бухту Песчаную

своего позора и бросились оба в море. На мгновение они скрылись под водой, но тотчас же снова всплыли... бобрами”¹.

Первые же наблюдения над каланами возбудили во мне определенное недоумение. Где же прославленные чуткость и осторожность зверя? Я готовился пустить в ход ряд хитрых уловок и предосторожностей, чтобы только подойти к нему. Но оказалось, что наблюдения морских бобров требовали предосторожностей не больших, чем наблюдения любого другого зверя.

Без особых ухищрений мне удавалось наблюдать каланов во всех проявлениях их жизни. Случалось мне подходить почти

¹ Сокращенный вариант. Полностью легенда приводилась уже в литературе неоднократно.

вплотную к спящим на берегу каланам, следить как добывали они себе пищу, подолгу наблюдать их брачные игры на воде и даже присутствовать при появлении на свет детеныша.

Каким же образом возникло убеждение о полной недоступности калана?

Дело в том, что в период интенсивного бобрового промысла алчные искатели наживы преследовали драгоценного зверя со свойственной им беспощадностью и упорством. Под влиянием постоянного преследования каланы выработали большую осторожность и чуткость.

Но вот численность их уменьшилась до такой степени, что промысел уже не мог более существовать.

Матка калана с детенышем

С 1924 г. объявляется запрет добычи бобров, а в главном месте их обитания — северо-западной оконечности о. Медного — учреждается заповедник. Никем более не преследуемый и не тревожимый зверь быстро возвращается к состоянию своей природной доверчивости. И только по традиции продолжает еще держаться за ним репутация необычайной дикости и недоступности.

Все это вскоре стало для меня совершенно ясным, и в первой же информации на материк я постарался обрисовать истинное положение вещей. Я настаивал на сокращении бесконечных ограничений, с которыми были связаны выходы на бобровые наблюдения. Они не вызывались необходимостью и, в то же время, сильно тормозили мою работу. Указывал я также и на своевременность постановки опытов приручения и содержания каланов в неволе, для чего просил заслать на остров необходимые строительные материалы.

НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ НАШЕГО БЫТА И КОЕ-ЧТО О ПЕСЦАХ

Чем дальше, тем больше сказывались результаты недовыгрузки снабжения.

Недостаток овощей грозил развитием тяжелой болезни — цинги. Признаки ее были уже подмечены у нескольких человек.

Как известно, цинга вызывается отсутствием в пище особого вещества — антицинготного витамина. Содержится этот витамин в свежих растительных продуктах, иногда в самом ничтожном количестве. Но и этого количества достаточно для предотвращения болезни.

Зная это, мы изобретали все способы, чтобы обеспечить наш стол витаминсодержащими продуктами.

В это тяжелое время кусочек сырого картофеля приобретал огромную ценность.

Но скоро и последнего кусочка не стало.

В самый критический для нас момент капитан одного из пароходов, проходивших вдоль берегов Камчатки, узнав о бедствии на острове, решил нам помочь. Это был смелый поступок, так как в декабре редко кто отваживается подходить к Командорам. „Томский“ (так звали пароход) появился у острова при общем ликовании населения. Простояв здесь под полными парами полдня, он успешно выгрузил на берег картофель и другие продукты.

Условия выгрузки были чрезвычайно трудны. Пароход и кунгасы, производившие выгрузку, балансировали, как чашки весов. То подносило вверх кунгасы, так, что они становились вровень с палубой парохода, то вдруг они проваливались точно в яму и над ними вырастала огромная черная стена парохода.

Капитан недоброй памяти „Minnie Moller“ не рискнул в свое время разгрузиться и при более слабом волнении.

Мы вправе были гордиться нашим советским капитаном.

„Томский“ спас население острова от цинги и, между прочим, увез китайцев, брошенных на произвол судьбы злополучной „Minnie“.

Вскоре по приезде нам привелось испытать небольшое землетрясение.

Это был ряд незначительных толчков, от которых с тихим звоном вздрагивала посуда на полках.

В другой раз толчки были сильнее и сопровождались внушительным подземным гулом.

В нескольких домах на этот раз оказались перекошенными дверные рамы.

Чтобы не очутиться взаперти, что, говорят, уже бывало несколько раз в подобных случаях, нам советовали при первом же толчке открывать настежь двери. Один из служащих, испытывавший уже здесь довольно сильное землетрясение, заклинал нас отодвинуть подальше от печки свои кровати, чтобы не быть заваленными кирпичом, подобно тому, как это случилось когда-то с ним.

Гумбольдт так описывает переживания, связанные с землетрясением. — „В противоположность воде, с раннего детства мы привыкаем считать неизблемой почву, на которой стоим. Все чувства утверждают это верование, и когда вдруг заколеблется почва, перед нами неожиданно выступают таинственные силы природы, движущие землю. Одно мгновение разбивает иллюзию всей прежней жизни. Мы не верим более в спокойствие природы, чувствуем себя перенесенными в область разрушающих неведомых сил, не доверяем более почве, на которой стоим“.

Действующие подземные силы не были для нас ни таинственными, ни неведомыми, но доверие к почве, на которой мы стояли, действительно у нас подорвалось.

Казалось ничего не стоило сильной встряске развалить наш крошечный островок, навсегда похоронив его остатки в морской пучине.

Когда-то давно одно из сильных землетрясений на о. Медном сопровождалось значительным поднятием уровня воды в море. Хлынувшая на берег вода залила селение Преображенское, заставив жителей спасаться на сопках. Жуткую ночь провели там полураздетые, мокрые и замерзающие от стужи люди. Старикам до сих пор еще рассказывают подробности этого страшного стихийного бедствия.

Подходило время открытия песцового промысла.

Песцы уже приобрели прекрасный пушистый, дымчато-бурый или, как принято его называть, „голубой“ зимний мех. Вели они себя до последней степени нагло и вполне заслуживали те нелепые эпитеты, которыми наделяли их иной раз выведенные из терпения жители селения.

Словно сознавая свою неприкосновенность и широко пользуясь ею, песцы совершенно игнорировали людское негодование. Прodelки их носили самый разнообразный характер. То они крали продукты по кладовым, то отгрызали хвосты или уши у неповоротливых чушек.

Не успели мы с ралистом закончить установку радио в нашей квартире, как песцы в ту же ночь разрыли заземление и изгрызли бронзовый канатик проводки.

Однажды они подкопались под склад магазина пушного хозяйства и растащили оттуда туалетное мыло.

Как-то ночью мы проснулись от отчаянной возни, поднятой песцами. Полагая, что зверьки возьмется где-либо в подпольи, куда они забирались очень часто, мы не обратили на это особенного внимания. На утро, однако, открыв дверь кладовой, я невольно отступил назад. Штук пять песцов, взвизгивая и шелкая друг на друга зубами, с обычной своей жадностью терзали оставшиеся от их ночного пишества жалкие объедки — остатки наших

запасов. При моем появлении они бросились все разом в разбитое окошко и застряли в нем, подобно нечисти в гоголевском „Вие“ при повторном крике петуха. Со звоном вылетело при этом еще одно стекло. Выскочив наконец на улицу, грабители все еще не унимались и долго вертелись и грызлись друг с другом под окном. Все в кладовой было разгромлено, истерзано и затоптано.

В наших условиях вторичный такой разгром грозил бы нам очень серьезными последствиями. Поэтому окно кладовой мы тщательно заколотили железной решеткой.

Голубой песец

Но зато песцы умудрялись теперь пробираться на кухню через дверь, которую время от времени приходилось открывать для ускорения вентиляции. Стоило на мгновение уйти в жилые комнаты, как подвернувшийся в это время песец проскакивал в сени и в кухню.

Наконец совершенно неожиданно у нас нашелся прекрасный сторож, избавивший нас от необходимости безотлучно караулить вход. Это была кошка, которую мы завели себе не для того, конечно, чтобы она ловила мышей (их на острове Медном нет вообще), а исключительно из привычки иметь четвероногого друга в доме¹.

¹ Собак на острове держать не разрешалось.

„Шишига“, как мы окрестили кошку за некоторые ее свойства (или „шушида“, как звали ее маленькие алеуты), без всякого принуждения приняла на себя обязанности сторожевого пса и выполняла их самым добросовестным образом.

Теперь мы могли спокойно оставлять входную дверь открытой, зная, что ни один песец не заберется к нам в дом. „Шишига“ просиживала в равнодушно-спокойной позе на пороге дома все время, пока была открыта дверь. Стоило показаться вблизи песцу, как она мгновенно превращалась в тугу свернутую пружину. Ничего не подозревавший песец, втягивая носом дразнящие его аппетит запахи, шаг за шагом приближался к

Песцы в с. Преображенском (обычная сцена при разделке туши свиньи)

двери. Момент — пружина с силой разворачивалась и перед носом озадаченного песца оказывался страшный шипящий и фыркающий зверь с выгнутой в дугу спиной и вставшей дыбом шерстью. Песец отступал и в смущении уходил во свояси.

Иногда Впрочем „Шишига“ без предупреждения наскakивала на оторопелого песца и, не дав ему опомниться, наделяла его рядом энергичных оплеух. Обратив зверька в бегство, она вцепливалась еще в его пушистый хвост, чем повергала в окончательную панику.

В конце концов песцы стали обходить нашу дверь на почтительном расстоянии и „Шишиге“ оставалось только победоносно восседать на своем пороге в ожидании новых подвигов.

Когда кто-либо из жителей разделывал на дворе тушу заколотой свиньи — от песцов не бывало отбоя. Десятками собира-

лись они сюда, дрались между собой и, при малейшей оплошности, утаскивали изрядные куски мяса.

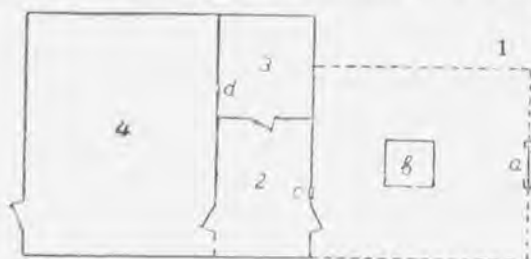
Впрочем не все проделки сходили песцам безнаказанно. Однажды песок, напавший на маленького поросенка, отставшего от своей семьи, не успел увернуться от натиска рассвирепевшей матери-хавроньи. От полученных при этом увечий он вскоре пал.

Особенно печально кончались для песцов случаи, когда они выкрадывали из кладовых соленые продукты — рыбу или котиковое мясо.

Наевшись до отвала соленого и испытывая затем сильную жажду, песцы начинали поглощать в огромном количестве воду. Это приводило их к заболеванию, кончавшемуся неизбежной смертью.

НА ПЕСЦОВОМ ПРОМЫСЛЕ

Ко времени открытия песцового промысла песцов начали подкармливать в кормушках-ловушках. Это — заимствованное у американцев приспособление для отлова и отбора песцов. Кор-

План песцовой кормушки-ловушки:

1) сетчатый дворик с подъемными воротами (a) и подвешенной приманкой (b);

2) наблюдательная комната с наблюдательским окошком (c);

3) коллектор (комната для помещения пойманных песцов в случае одновременного улова большого количества);

с окошком (d) для передачи песцов в операционную;

4) операционная (комната для осмотра, лечения или убоя песцов).

мушка-ловушка состоит из небольшого домика и примыкающего к нему, обтянутого сеткой, дворика. В дворике раскладывается подкорм (преимущественно куски юколы¹). Поднимающиеся на шарнире ворота дворика остаются вначале всегда открытыми. В определенный час сторож кормушки-ловушки кладет в нее свежий подкормочный материал. Идя в кормушку, он громко свистит, созывая песцов. Животные настолько привыка-

ют к такому порядку, что не только сбегаются на свист и следуют по пятам за сторожем к кормушке, но иногда и сами задолго до наступления часа кормления занимают места вокруг кормушки, ожидая прихода сторожа.

Во время промысла в домике кормушки устраиваются дежурства. По заходе песцов в дворик, караулящий в домике наблюдатель отпускает веревку блока, удерживающего ворота. Ворота опускаются и запирают песца в дворике. Пойманный таким обра-

¹ Юкола — вяленая или копченая рыба.

зом зверек поступает далее на осмотр в домик. Больные песцы берутся в промысел или подвергаются лечению; наиболее хорошие отпускаются на племя.

Таким образом осуществляется планомерное ведение хозяйства, хотя звери и живут все время на воле.

Каждый из островов делится на ряд промысловых угодий или „ухожей“. Часть ухожей имеет ряд кормушки-ловушки, в остальных отлов производится ящичными автоматическими ловушками.

В начале января вышли мы с одним из алеутов в бухту Песчаную с целью провести в ней весь промысел.

В течение нескольких недель непрерывно пуржило, но так как откладывать промысел уже было невозможно, мы вышли в первый же сравнительно тихий день.

Однако, несмотря на то, что внизу было тихо, на перевале нас встретил сильнейший ветер. При каждом его порыве нам приходилось поскорее ложиться, чтобы не слететь вниз.

Только спустившись в падь на противоположной стороне сопки, мы могли спокойно продолжать путь и без дальнейших приключений добраться до бухты Песчаной.

Здесь мы застали промышленников Песчановского ухожа и

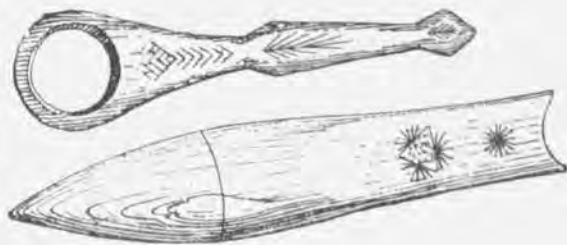
трех человек, назначенных в соседний Матвеевский ухож. Два раза уже безуспешно пытались они одолеть трудный перевал к бухте Матвеевской. Ветер, точно умышленно, налетал шквалом в самый трудный момент переправы и, так как склоны сопки были покрыты ледяной корой, алеутам при всем их умении ходить по сопкам оставалось лишь отступать.

Вечерами, коротая время и выжидая погоду, промышленники сражались в изготовленное тут же из плавника домино или забавлялись игрой в „калубу“.

„Калуба“ — деревянная заостренная с одной стороны чурка, которую играющий должен подбрасывать таким образом, чтобы она, перевернувшись в воздухе, попадала острым концом в подставляемое деревянное кольцо. Выигравшим считается тот, кто большее число подряд попадет чуркой в кольцо. Некоторые мастера попадали до ста раз подряд, но у большинства уже за 30—40 разом следовал промах.

Играли наши алеуты на дробь, пистоны, порох, а то и на особый изощренный щипок или щелчок, которыми выигравший под общее одобрение присутствующих наделял своего партнера.

Упражнялись наши промышленники и в рисовании и в резьбе.

Калуба

Среди алеутов есть много обладающих художественными способностями. Особенно хорошо дается алеутам резьба. Материалом для этого искусства служили раньше моржовые клыки. Теперь алеуты режут по дереву или по особому мягкому минералу, находимому на северо-западной оконечности острова.

У меня есть вырезанный из дерева морской бобр — подарок одного из алеутов. Эта работа поражает правдивостью передачи позы морского бобра, лежащего на воде и поедающего морского ежа. При соответствующей подготовке из этого алеута мог бы выйти прекрасный художник.

Когда все эти занятия надоедали, начинались рассказы. Я узнавал много чудесных вещей. Как оказывалось, на острове не перевелась еще разная нечистая сила. В озерах сидели черти, в юрты зачем-то наведывались покойники. В эту самую юрту, рассказывал один из алеутов, не далее как в прошлом году явился какой-то покойник и стал ходить по чердаку. Исчез он только после того, как сидевший внизу промышленник с перепугу выстрелил в потолок. В разных частях острова появлялся откуда-то взявшийся никому неизвестный человек и также таинственно исчезал и т. п.

Слушать все это под шум пурги было забавно и в конечном счете полезно, т. к. давало и мне повод рассказывать о чудесах несколько иного порядка — о чудесах техники, об изумительных достижениях науки, о грандиозном строительстве в нашем Союзе.

Слушали алеуты с интересом и много расспрашивали.

Среди молодых туземцев было уже несколько человек, собиравшихся отправиться на материк на учебу. Нужно было помочь им в их борьбе с консерватизмом стариков, противившихся этому. И никакие лекции не могли дать в этом отношении столько, сколько давали эти бесхитростные беседы, перемешанные с шутками и небылицами.

★

С уходом Матвеевских промышленников в караульной юрте стало спокойнее и просторнее.

По утрам я выходил на лыжах в обход уюжа. Обычно, выбрав какой-либо песцовый след, я шел по нему до тех пор, пока это было возможно. Такие экскурсии давали подчас весьма интересный материал.

Вот по дну пади, вдоль недавно проложенной лыжницы, тянется ровной цепочкой песцовый след¹. Лишь изредка нарушает он свою прямолинейность. Вот он свернул к кусту рябины. Зверек проглотил здесь несколько уцелевших ягод и снова вернулся к лыжнице.

Вот опять что-то отвлекло его внимание. Виднеется несколь-

¹ Подолгу итти за человеком, либо непосредственно за ним, либо по свежему его следу, — обычная манера песцов.

ко разрытых до земли овальных ямок в снегу. Возле них птичий помет и несколько оброненных перышек. Картина ясна — песец обследовал место ночлега тундровых кур опаток.

Ничем же поживившись здесь, он уже неотступно следовал по лыжнице до самой бухты. Только на озере, у воткнутой в снег палки, отмечающей место, где промышленники берут воду, песец остановился, обошел вокруг палки и оставил здесь вещественное доказательство своего пребывания...

У кормушки-ловушки след переплетается с несколькими другими песцовыми следами. Он обходит вокруг кормушки. Местами утопанные площадки на нем показывают, что зверек здесь сидел или лежал. Видимо песец колебался, куда идти дальше. Запах развешенной в кормушке юколы дразнил его аппетит, но непривычный еще вид постройки отпугивал. Это был, очевидно, дикий „тундровый“ песец.

Алеуты различают кормушечных и тундровых песцов. Первые, вырастая вблизи человека и постоянно пользуясь отбросами его стола, почти всегда околачиваются в селении. Они являются главными иждивенцами кормушек. Вторые растут в отдаленных от человеческого жилья районах и питаются преимущественно пищей, добываемой в естественных условиях. Название „тундровые“ дано им неудачно, так как их жизнь протекает собственно не в тундре, а на берегу моря. Море, особенно в период зимних штормов, обильно снабжает песцов пищей.

Но вернемся к нашему следу. Так и не завернув в кормушку, он спускается на лайду и долго тянется вдоль линии прибоа. Местами он прерывается, как бы спускаясь под воду. Это песец во время ночного отлива заходил в приливо-отливную полосу (литораль).

Но и выше этой полосы было чем поживиться. Вся лайда покрыта выбросами моря — водорослями и разными мелкими морскими животными.

Из выброшенных водорослей образовался целый зеленый вал, резкой полосой тянувшийся вдоль всего берега бухты. Эти водоросли, известные под одним сборным названием „морской капуста“, весьма разнообразны по своему видовому составу. Здесь и широкие, словно листья пальмы, слоевища пальчатой ламинарии¹, и длинные лентовидные слоевища других ламинарий², и изрешетенные дырочками ажурные листовые пластинки агара³. Здесь же иногда попадает похожая на огромную змею, оригинальная водоросль нереоцистис⁴. Гибкий трубчатый стебель этой водоросли достигает подчас больше ста метров в длину и заканчивается полым шаром, как бы головой чудовища.

Между всеми этими водорослями валяются морские ежи,

¹ *Laminaria dentigera*.

² Преимущественно из рода *Alaria*.

³ *Agarum*, также *Thalassiosiphonium*.

⁴ *Nereocystis*.

голотурии, морские звезды, различные моллюски, губки, медузы и другие выброшенные прибоем животные.

Долго чертит зигзаги песцовый след. Несомненно зверек здесь кормился. А вот и остатки от его стола: вылизанные пан-

Водоросль *переоцистис*

цыри морских ежей, разгрызенная раковина моллюска, надъеденная и брошенная голотурия, остатки полуразложившейся трески.

Но след тянет теперь куда-то вверх, под самый береговой обрыв, где между огромными валунами застряло несколько свежесвыброшенных бревен плавника.

Долго носились эти бревна по водам океана, пока, наконец, течением и прибоем их выбросило на берег острова.

Что же тут заинтересовало песка? Осмотр бревен легко разрешает этот вопрос. В расщелинах дерева, а то и просто на его поверхности, красивыми пышными иссиня-голубыми гроздьями висят морские уточки¹. Во многих местах их колонии силь-

¹ Мелкие сидячие формы из усоногих ракообразных.

но потревожены и разрушены -- песок хорошо здесь поживился.

Очевидно, он вполне насытился, так как след его не спускается уже на лайду. Поднимаясь все выше по береговому склону, он скрывается наконец в одном из отверстий между камнями.

Наклонившись к отверстию, я произношу несколько раз с небольшими паузами: „гонф... гонф...“ Из глубины, заглушенно, достигает до меня ответное — „гонф“.

Все обстоит благополучно. Насытившийся песок залег на отдых...

Так по следам составлялась у меня довольно ясная картина ночных походов песцов.

В период песцового промысла не прекращались мои выходы и на бобровые наблюдения.

В первый же погожий день собрался я с командой алеутов в бухту Бобровую, намереваясь проехать отсюда на шлюпке к северо-западной оконечности острова.

Придя в бухту Бобровую, мы обнаружили на месте шлюпки только мощный снежный бугор. Шлюпка была глубоко погребена под ним, и нам пришлось затратить много времени, чтобы отыскать и извлечь ее на поверхность.

Только к полудню смогли мы наконец выехать в море.

Не успели мы достигнуть ближайшей бухты Речной, как погода стала заметно ухудшаться. Пошел снег. Сквозь его завесу мы еще различали причудливые остроконечные скалы Красного мыса, к которому подходили. Но стоило нам поравняться с этим мысом, как из-за него налетел первый шквал и все погрузилось в непроглядную белую мглу. Разыгрывалась пурга. Волей-неволей пришлось повернуть обратно.

Подвигаясь вслепую, мы время от времени почти наталкивались на камни и скалы, разбросанные вдоль берега. Отойти в море наши промышленники, однако, не решались. Нужно заметить, что алеуты, несмотря на все их искусство в морском деле, никогда не проявляют большой смелости в море. Во всех случаях они предпочитают придерживаться берега, хотя это и не всегда бывает целесообразно. Известно очень мало случаев гибели туземцев в открытом море, чаще они тонули у самого берега, не успев выправить шлюпку из прибой.

Колония морских уток

Как бы то ни было, я не особенно возражал против избранного нами пути, тем более, что благодаря ему мы то и дело подходили почти вплотную к лежащим на камнях морским бобрам. Звери замечали нас в самую последнюю минуту, и тут я впервые наблюдал, какие скачки они способны были проделывать в таких случаях. Но все же их движения на камнях были настолько же неуклюжи и неуверенны, насколько ловки и красивы они были в воде.

Каланы на камнях

Случалось, что у самого борта шлюпки высывалась вдруг из пены волн черная блестящая голова калана, украшенная седыми усами. Мгновение зверь смотрел на нас с недоумением и снова исчезал под водой.

Зимой на Командорах темнеет очень рано. Пока мы вытаскивали шлюпку на берег и укрепляли ее на специально устроенных козлах, белая мгла снежной завирюхи успела уже превратиться в густые сумерки. Продвижение по сугробам свежего снега стало невероятно тяжелым. Ноги, хотя мы и шли на лыжах, проваливались при каждом шаге по колени. Снежные хлопья вскоре перешли в какие-то острые ледяные иглы, и резкий ветер больно бил ими в лицо.

Наши лица, зюйдвестки, куртки покрылись сплошной ледяной корой. Ее можно было снимать с лица как маску.

Еще и половины пути мы не прошли, а я уже чувствовал крайнее утомление. Ноги отяжелели, как бы налились свинцом, голова кружилась, лоб и виски сжимало точно тисками. Смот-

реть вперед было невозможно — слепили ледяные иглы — и я очень скоро потерял из виду моих спутников. Отыскивать и след я не мог, так как лыжницы моментально заматались снегом.

Поминутно проваливаясь в какие-то рытвины и ямы, я брел наугад, чувствуя, что силы вот-вот окончательно покинут меня.

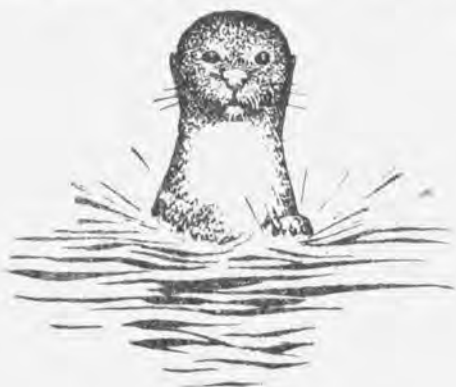
На мгновение желтоватым туманным пятном показалась луна, окруженная несколькими светлыми кольцами. Необыкновенно уныло и жутко было при ее свете. Вскоре она опять исчезла, но я все же успел заметить за это короткое время черную точку впереди. Направившись туда, я через некоторое время подошел к моим спутникам. Они стояли, выстроившись в ряд, „в затылок“, как всегда делают алеуты при отдыхе во время лыжных переходов, и поджидали меня.

Напрягши последние силы, я кое-как преодолел оставшийся отрезок пути.

С такими трудностями бывали сопряжены подчас даже небольшие переходы по острову.

Особенно неприятное и жуткое впечатление производит так называемая снежная слепота. Познакомиться с ней мне пришлось благодаря отсутствию предохранительных очков — „консервов“, оказавшихся, на мое горе, в числе многих невыгруженных паромом вещей.

Снежная слепота возникает в большинстве случаев от действия рассеянного света, яркой белизны снежного покрова и полного отсутствия зрительных контрастов. Снежную поверхность видишь абсолютно ровным белым полем. Глаз не улавливает ни

Молодой калан

снежных гребней, ни провалов. Это вызывает подчас довольно серьезное поражение органа зрения. В таком случае долго ощущаются сильная резь и жжение в глазах, вызывающие слезы. Едва различаются силуэты предметов, горящая лампа кажется просто мутным светлым пятном. Чтобы вернуть нормальное зрение, нужен полный покой и отсутствие света.

Несчастные случаи на Командорах бывают сравнительно редко, но это не означает недостатка здесь всякого рода опасностей.

Особенно это относится к зимнему периоду, когда постоянную угрозу путнику представляют снежные обвалы.

На о. Беринга недавно погибло от этого трое алеутов-промышленников.

Их зачоченевшие трупы с трудом откопали из-под накрывшей их снежной глыбы.

Пурга, часто налетающая совершенно внезапно, также грозит путнику серьезными опасностями. При совершенном отсутствии дорог нет ничего легче сбиться с пути. В описываемую зиму двое медновских промышленников, захваченные на пути из своего уюта в селение пургой, забрели вместо бухты Преображенской в бухту Полуденную на противоположной стороне острова.

При этом один из них настолько обессилел и замерз, что его доставили в селение уже потерявшим сознание.

В следующую зиму на о. Беринга при совершенно подобных же обстоятельствах погиб один из молодых промышленников. Его труп был найден лишь весной, когда начал таять снег.

Ужасающий ветер, достигающий наибольшей силы на вершинах сопек, легко может опрокинуть и сбросить переходящего в это время через хребет путника. В лучшем случае это грозит серьезными увечьями, так как, сорвавшись, он будет скользить вниз по обледенелому откосу, изобилующему острыми ледяными выступами.

Нередко опасность подстерегает там, где ее совсем не ожидаешь. Однажды, увлеченный наблюдениями, я чуть не был смыт с береговой скалы внезапно обрушившейся мощной волной прибоя.

В другой раз быстро наступивший прилив застиг меня на рифу, на далеком расстоянии от берега. Еще миг, и путь к отступлению был бы окончательно отрезан. Однажды чуть не поплыл и мой юный друг, за спиной которого рассыпался на мельчайшие куски большой камень, сорвавшийся с вершины берегового обрыва¹.

Каждый такой урок обогащает все большим опытом приезжающих с материка. У туземцев же с раннего детства вырабатывается защитный рефлекс, помогающий им избегать опасностей, зачастую даже не замечая их. И те несчастные случаи с алеутами, о которых я говорил, далеко не составляют поэтому угрожающего явления.

¹ Обвалы камней, особенно весной, во время таяния снега, составляют обычное явление на Командорах. Падая подчас с огромной высоты, камни рассыпаются внизу со звуком, напоминающим выстрел.

О событиях, происходивших в селении, и о ходе промысла по ухоям, мы узнавали через посыльных.

Заданные нормы добычи выполнялись не всеми ухоями одинаково. Были передовые, были и отстающие. Впервые между промышленниками разных ухостей разворачивалось соцсоревнование на лучшее проведение промысла и лучшее качество обработки шкур. Молодые начинающие промышленники из всех сил старались не делать порезов на шкурках при съёмке их и очистке от жира. Ход соревнования захватил всех, горячо обсуждались мельчайшие его подробности.

Ухожу Перешейка в этом году не повезло. Некоторое время промысел в нем находился даже под угрозой срыва. Песцы куда-то исчезли из этого ухажа, и кормушка-ловушка в нем безнадежно пустовала. Причина этого явления вскоре выяснилась. Невдалеке от ухажа, у юго-восточной оконечности острова, выбросило прибоем труп мелкого кита-плавуна. К нему-то и стягивались все песцы из ближайших районов.

Через некоторое время труп кита снова смыло волной и, по капризу случайности, вторично выбросило уже у самого Перешейка. Никогда еще в ухаже не было такого скопления песцов. Промышленники Перешейка потирали руки в надежде не только ликвидировать свою задолженность, но и перегнать все другие ухажи. Но радость их оказалась преждевременной.

Дело в том, что плавуна обладает одной замечательной и весьма неприятной особенностью, о которой еще Крашенинников — спутник Беринга — писал следующее: „Жир сего животного (т. е. плавуна) такое имеет свойство, что внутри не держится, но тотчас же, как будет проглочен, выплывает низом“. Проносное свойство жира плавуна привело к тому, что вскоре шкуры песцов, питавшихся им, оказались совершенно испорченными. Таких песцов нельзя было брать в промысел, так как мех, испачканный сальной массой, совершенно не поддавался очистке. В конце концов промышленникам Перешейка пришлось приняться за уничтожение той приманки, которой они так радовались. Все это, конечно, сильно задержало промысел в ухаже.

Посыльные приходили и иногда в тот же день уходили обратно. А принесенные ими новости долго еще служили обитателям Песчанки¹ темой для бесконечных разговоров.

В свободное от работы время наши промышленники ходили на охоту. Кто караулил на берегу нерп и сивучей, кто шел в тундру и на сопки за тундровыми куропатками.

Красивые, белые зимою, но пестрые летом, птицы эти приближались временами почти к самой нашей юрте. К ним можно было подойти вплотную, и алеуты, случалось, не тратя зарядов сшибали их просто палками.

Трофеем охотников становились иногда и мелкие утки-каме-

¹ Так звали зачастую бухту Песчаную.

нушки, плавающие на открытых участках реки, и некоторые чайки, зимующие на острове.

На новый год наши промышленники затеяли маскарад. Они явились к нам кто в женских одеждах, кто просто накрывшись с головой покрывалами и предлагали нам назвать каждого из них по имени.

В селении маскарад обычно заключается в том, что „машкеровочные“ (ряженные) обходят все дома, оставаясь в каждом из них до тех пор, пока их не узнают. Хозяева должны их чем-либо напоследок угостить. Обычай этот прочно еще держится на Командорах.

Промысловая юрташка

Нужно отметить, что хотя в селении новый год и встречался довольно широко—на промысле все ограничилось лишь безобидным маскарадом и стрельбой из ружей.

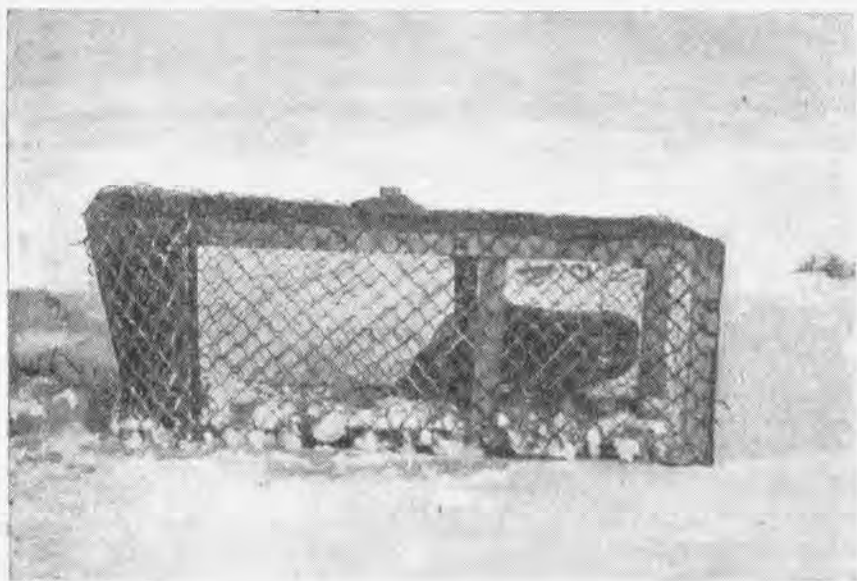

Незадолго до окончания промысла посетил я живописную бухту Матвеевскую. В маленькой промысловой юрташке здесь жило трое промышленников, на обязанности которых, за отсутствием в улохе кормушки-ловушки, лежало промысливать песцов

при помощи самоловов¹. Каждый вечер промышленники расходились по ухажу, ставили ловушки, на утро проверяли их и поймавшихся песцов приносили в юрташку.

В юрташке было дымно от непрерывно топившейся печки и невероятно грязно. Весь пол был завален мусором и заплесан табачной жвачкой (алеуты любят жевать табак). Здесь же производились съёмка и чистка песцовых шкур.

Шкуры с песцов снимаются чулком и после удаления с мездры² жира расправляются в вывернутом виде на пялах (мездрой наружу). Хорошенько просушенные, они снова выворачиваются мехом наружу и связываются пачками — „бунтами“, чтобы пойти затем в экспорт.

Песец в ящичной ловушке

Один из промышленников, пожилой алеут, исполнявший роль хозяйки, очень умело замесил тесто и испек хлеб. Этот хлеб и бесконечно кипевший чай, который приобрел в конце концов запах паренного веника, и составили все дневное пропитание промышленников.

Алеуты на промысле, и вообще в походной обстановке, едят крайне мало.

Однажды, войдя после одной из экскурсий в юрташку, я застал нашего алеута — „хозяйку“, месившим что-то черное на

¹ Самолов, или ящичная ловушка на песца, представляет собой ящик с дверцей, падающей как только зашедший внутрь песец дернет за приманку.

² Мездра — нижняя, прилегающая у животного к туловищу, сторона шкуры.

столе. Оказалось я попал на процедуру приготовления жевательного табака, процедуру не совсем простую, требующую опыта и умения.

Возможно, что жевание табака не так вредно, как курение. по вид жующего жвачку человека, должен сознаться, внушал отвращение.

Некоторые алеуты почти не выпускали изо рта табак, благодаря чему одна щека у них всегда казалась раздутой флюсом. Внятность речи при этом конечно значительно понижалась. Но отвратительнее всего — постоянное сплевывание черной слюны.

Тут, однако, я должен заметить, что эта неприятная привычка сослужила мне однажды большую услугу. Застигнутый как-то в пути неожиданно поднявшейся пургой, я не заблудился исключительно лишь потому, что ориентировался по темным плевкам на снегу.

Мыс Матвеевский

Лыжные следы недавно прошедшего алеута очень скоро изгладились, темные же расплывшиеся пятна табачных плевков были видны все время очень хорошо. Идя по ним, я и добрался благополучно до жилья.

Бухту Матвеевскую делит на две равные части Матвеевский мыс, далеко выступающий в море.

Это одна из красивейших бухт на острове. Вечером, накануне моего ухода из бухты, я долго стоял на ее высоком берегу, любясь солнечным закатом. Величавое сверкающее водное пространство, необыкновенно эффектно оттеняло острые профили скал.

На их вершинах чинными рядами восседали большие черные птицы — „урилы“ (бакланы).

Вскоре я заметил в бухте несколько сивучьих голов. Звери, поминутно ныряя, приближались к мысу. Когда они поравнялись с ним, из-за одной из скал показалось облачко дыма и раздался выстрел. Сивучи мгновенно скрылись, кроме одного, оставшегося на месте.

Но этот сивуч — трофей одного из наших промышленников, так и не был извлечен из воды. Шлюпки в бухте не было, и труп, поплавав немного, на наших глазах пошел ко дну. Охотнику оставалось только надеяться на услуги прибоа.

Я заметил, что, вынув выстреленный патрон из своего винчестера, охотник не выбросил его, а старательно зарыл под камнем на берегу.

— Это помогает, чтобы зверя выбросило на берег, — пояснил он мне, заметив мое недоумение.

Не знаю, насколько действительным оказалось это средство. На утро я уже покинул бухту Матвеевскую, чтобы снова вернуться в Песчанку.

Еще несколько дней и промысел закончился. С пушистыми голубыми шкурами возвращались промышленники в селение. Песчанка опустела.

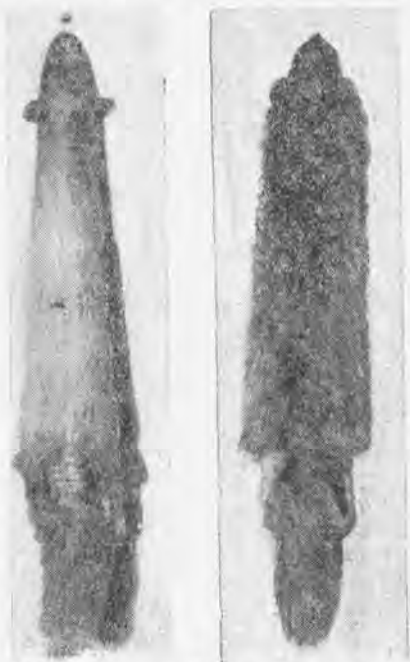
НА ПЕРЕЛОМЕ К ЛЕТУ

Выйдя как-то из селения на берег моря, я увидел на воде несколько кайр или ар, как их тут называют. Это первые вестники весны. За ними пойдут глупыши, затем чайки-моевки, топорки и прочая летняя птица.

Как отраднo было отметить первый признак конца зимы. Но, точно в отместку за преждевременную радость, зима угостила нас на прощанье такой пургой, какой мы до сих пор еще не испытывали ни разу.

Меня она захватила в бухте Песчаной, на полпути к бухте Бобровой, куда я шел на очередное наблюдение над каланами.

Вместе с проводником — молодым алеутом — мы укрылись в пустовавшей теперь юрте бобрового караула.

Шкуры песцов (1 — вывернутая мехом наружу для сушки, 2 — в готовом виде)

В этом заключении нам пришлось просидеть 8 суток. К счастью мы нашли в юрте небольшой запас керосина, и скудный свет лампы по вечерам немного скрашивал всю безотрадность нашего положения.

Титанический ветер не только не допускал мысли о возвращении домой, но не позволял даже выглянуть за порог юрты. Гул и содрогание стен не прекращались ни на мгновение, казалось, что едешь в вагоне поезда. Огонь в нашей печке то и дело задувало ветром, иногда же особенно сильным порывом выбрасывало все содержимое печки на пол.

Кайра

Только на девятые сутки ветер вдруг стих, и мы были освобождены из нашего плена так же внезапно, как и попали в него.

Это был последний протест уходящей зимы. Во всем чувствовалось наступление весны. С каждым днем появлялось все больше птиц. Кроме ар уже прилетели первые глупыши. Аспидно-серые, быстрые и ловкие они появились у берегов острова внезапно, точно их нанесло потянувшим с моря ветром¹.

У песцов в полном разгаре был брачный период. Вихрем носились друг за другом соревнующиеся самцы, по временам сцепливались в яростной драке, катались клубками, поднимая облака снега, и снова мчались, гонимые любовной стихией.

В сложившихся уже парах шли нежные супружеские игры. Молодые резвые самочки, точно подзадоривая своих „рыцарей“, выкидывали самые неожиданные фортели. То зарывались в снег и вдруг ракетой выскакивали оттуда и бежали, вертя поднятым трубой хвостом, то детали высокие прыжки на месте, то ползали, взвизгивая и извиваясь на брюхе.

Глупыш

Непрестанно слышалась переключка песцов между собою. Наряд зверьков начал заметно портиться. Прекрасная дымчато-голубая шубка сохранилась у немногих. У большинства мех сильно побурел и начал лезть.

В скором времени у берегов появилась своеобразная рыба

¹ Глупыши — птицы из семейства буревестников. Из существующих двухцветовых форм глупышей (светлой и темной) у Командор распространена темная форма. Светлые (почти белые) глупыши попадают здесь лишь изредка.

„мякенькая“¹. Похожая на большого головастика, черная круглая, она прочно присасывалась своей большой брюшной присоской к прибрежным камням. Алеуты доставали ее оттуда руками или крючком, привязанным к длинному шесту. Русское население этой первой свежинкой брезговало, возможно из-за сходства „мякенькой“ — с головастиком.

Рыба „мякенькая“

Однажды прибоем принесло к берегу живую еще большую редкую здесь хищную рыбу, носящую странное имя — алепизавр². Серебристо-стальная она достигала почти полутора метра в длину; в огромной пасти ее торчали длинные, острые зубы. Вскрытие обнаружило в ее желудке громадное скопление паразитических ленточных червей. Плотным комом заполняли они весь желудок, что и послужило, повидимому, причиной гибели этого сильного хищника.

Во второй половине марта выдался наконец благоприятный день для поездки на северо-западную оконечность острова.

Дружно работала веслами наша команда. По временам то один, то другой из гребцов схватывался за свое ружье и стрелял в налетающую птицу.

Глупыши и урилы (бакланы) приближались порой так близко, что их можно было достать поднятым веслом. Ары и чайки были осторожнее.

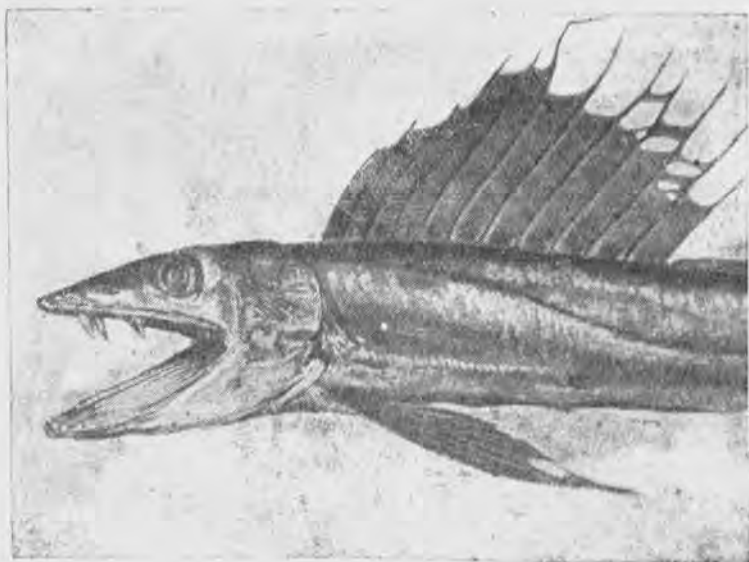
Обогнув мыс Матвеевский и мыс Печку, мы достигли бухты Ла-

¹ *Cyclopterichtis ventricosus*.

² *Plagiodus aescularius*. На Камчатке эту рыбу неправильно называют иногда зубаткой.

герной, где и высадились вблизи небольшой наблюдательной юрташки. Она помещалась на возвышенном месте, на выступе берегового склона, откуда открывался превосходный вид на знаменитые Бобровые столбы—главное место обитания морских бобров.

Бобровые столбы являются как бы продолжением северо-западного мыса. Они представляют собой туфовые скалы, окруженные широкой осушной полосой. На эту-то полосу, а также и на многочисленные надводные камни, сопровождающие столбы, и выходят на ночь морские бобры. В подзорную трубу очень хорошо были видны все эти камни. Но каланов на них мы не заметили.

Хищная рыба *Plagiodus aesculapius*

На одном из наиболее крупных камней, на так называемом Косом камне, мы увидели целое стадо сивучей. Своими массивными телами они сплошь покрывали весь камень. По временам один из сивучей тяжело падал в воду, но тотчас же другой, вновь прибывший, занимал его место. Любопытно было наблюдать, как неуклюжие животные взбирались по почти отвесному склону. Подплыв к камню и зацепившись передними лапами за его неровности, сивуч повисал в воздухе, оставаясь в такой позе до тех пор, пока набегавшая волна не подсаживала его выше. Закрепившись в новом положении, он опять ожидал волны, чтобы подняться еще выше. За чертой прибоя сивуч начинал карабкаться уже самостоятельно, цепляясь лапами и даже подбородком за каждый малейший выступ и помогая себе энергичными движениями. Передвигаясь на ровном месте, сивучи сперва

долго раскачивались передней частью туловища, затем сгибались в дугу, как это делают гусеницы, и, снова выпрямлялись, тяжело перемещаясь таким образом вперед.

Вдоль всей северо-западной оконечности острова прерывистой полосой тянутся заросли морской капусты — аларии. Темнобурые слоевища этой водоросли достигают десятка метров в длину. В мелких местах и во время отлива верхушки их, повисая вниз и густо перепутываясь между собой, образуют летом сплошные сплетения, через которые с трудом может пробиться шлюпка. В этих зарослях любят подолгу держаться морские бобры. Но сейчас капустные поля еще только слегка намечались и поэтому пустовали.

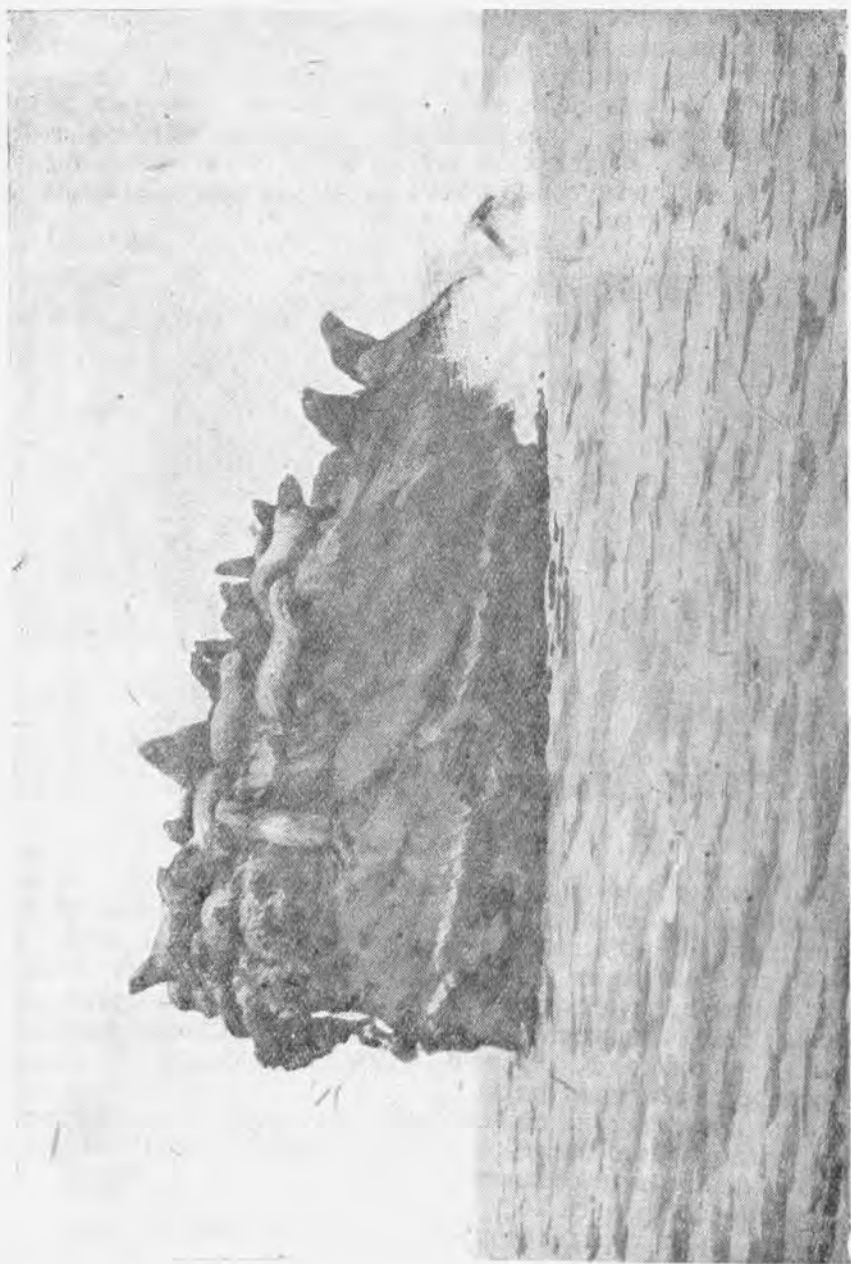

Бобровые столбы

Зато неподалеку от нашего наблюдательного пункта, в бухте Лагерной, мы заметили несколько кормившихся каланов. Один из них, лежа по обыкновению на спине, держал передними лапами у себя на груди небольшого осьминога. Вокруг головы этого калана суеилось штук пять чаек. Птицы то взлетали, испуганные резким движением зверя, то снова опускались возле него.

Калан торопливо ел осьминога. Приставание чаек его видимо беспокоило. Временами он нырял. Но стоило его голове показаться на поверхности, как его снова со всех сторон окружали чайки. Назойливые нахлебники подхватывали от стола зверя крохи, а храбрейшие отваживались утаскивать лакомые кусочки из-под самого его носа.

Другой калан уплетал морского ежа, вертя его из стороны в сторону в передних лапах. На груди у него я заметил еще несколько штук этих колючих животных. Начисто вылизав и от-

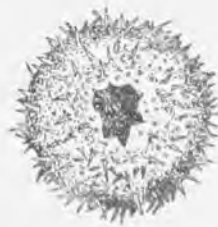
Сивучи на Косом камне

бросив панцырь одного ежа, калан тотчас же принимался за следующего. Покончив со всеми, он нырял и через некоторое время появлялся с новым запасом ежей. Точно зная, что здесь им нечем поживиться (пустые панцыри — вещь незавидная), чайки не приставали к этому калану.

Калан с ежиками

Морскими ежами питаются не только каланы и песцы. Их охотно поедают и чайки и вороны и многие другие животные. По виду пустого панцыря ежа можно определить, кто съел его содержимое. Калан оставляет обычно только верхнюю половин-

Остатки морских ежей, оставленные (слева направо) каланом, песцом и чайкой

ку панцыря в виде начисто вылизанного черепка. Песец выгрызает в панцыре отверстие по ребру, чайка и ворон проклевывают в нем лишь небольшую круглую дыру.

Весной, когда в ежах содержится икра, употребляют их в пищу и алеуты.

Спустившись на лайду, мы отправились в обход северо-западной оконечности. Мой проводник-алеут по временам наклонялся

и подбирали какие-то камешки, ничем не отличавшиеся от обыкновенной гальки. Но в разломе они горели красивым золотым блеском. Это была медная руда. Вкрапления ее попадались и в породе, слагавшей прибрежные скалы. Кусочки эти находили хороший сбыт на паромовых, посещавших остров. Их охотно разбирали, как сувенир из места, в котором далеко не всякому удается побывать.

На нашем пути особенно интересным и живописным оказался Красный мыс, составленный из высоких отвесных скал с глубо-

Мыс Красный

кими расщелинами между ними. В этих расщелинах с какой-то особой силой бурлил и рокотал прибой. Подножие скал то загромождалось огромными валунами, то переходило в широкие обнажавшиеся во время отлива рифы.

Обогнув одну из скал, я невольно замер на месте, заметив в 10—15 шагах от себя лежащего на рифе калана. Это был еще первый случай, когда мне довелось так близко видеть около себя этого удивительного зверя.

Калан лежал свернувшись по-собачьи, калачиком, и крепко спал. Бока его мерно вздымались, шкура время от времени вздрагивала.

Я стал потихоньку подбираться к нему с фотоаппаратом в руках. Вот уже осталось каких-нибудь пять-шесть шагов до зверя, но фотографировать его в такой позе не было смысла. На фотографии он не был бы отличим от окружающих его камней. А между тем калан не обнаруживал никаких признаков пробужде-

ния. Я стал будить его тихим свистом. Через некоторое время зверь проснулся и поднял голову. Момент — и он уже стоял на ногах.

Топорща свои щетинистые усы, калан издал легкое шипение, изогнул спину дугой и, неуклюже переваливаясь, направился к воде.

Только достигнув ее, он с неожиданной легкостью и проворством всплеснулся, нырнул, снова появился и быстро уплыл прочь.

Тут же, у Красного мыса, мне удалось подобраться и к целой группе каланов, лежавших на прибрежном надводном камне. От этого камня меня отделяла лишь небольшая полоска воды. На нем было пять бобров.

Внизу, на обнажившихся водорослях, как на перине, развалился брюхом кверху старый крупный калан. Несколько выше, на сухом уже месте, лежал второй калан, отличавшийся очень светлой передней половиной туловища. Наконец, на вершине камня, полускрытые его выступами, виднелись еще три калана.

Старый калан то поглаживал себе брюхо, то, захватив заднюю лапу передними, долго ее массировал. Бросив наскучившее ему занятие, он некоторое время лежал неподвижно, видимо нежась под лучами солнца. Наконец, подняв лапу, точно враздумьи, почесал себе затылок. Это был совсем человеческий жест, и мне представилось на мгновение, что передо мной лежит не зверь, а какой-то сказочный человечек — седоусый старичок.

Один из лежавших на вершине камня каланов, повозившись некоторое время на месте, стал спускаться к воде. В зубах он держал круглый, светлый, пушистый комок. Это был маленький бобенок. Вися в зубах матери, он, казалось, продолжал спать.

Калан в угрожающей позе

Его тельце мешком перекатывалось с уступа на уступ, и только в воде он проявил было признаки жизни. Но мать тотчас же втащила его к себе на грудь и принялась старательно умыть. Она плескала на него воду, зачерпывая ее лапой, растирала его шкурку и облизывала мордочку.

Много подобных сценок разворачивалось перед нами, но надо было полностью использовать прекрасный весенний день. Как

только наступил полный отлив, мы спустили шлюпку и переправились на ближний Бобровый столб.

Обойдя его и перейдя вброд через узкий проливчик на дальний Бобровый столб, мы, наконец, достигли его окончания — широкого плоского рифа. На многих надводных камнях, разбросанных вдоль обоих столбов, виднелись теперь каланы.

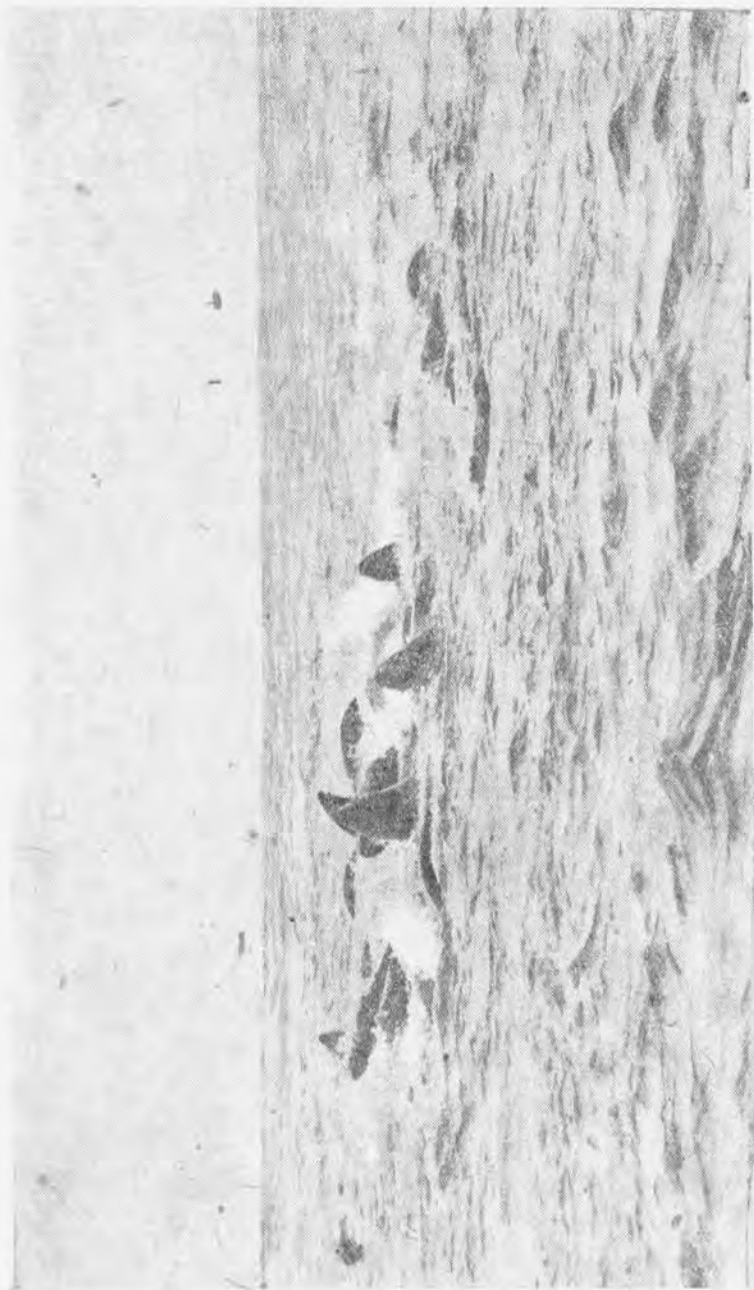
На краю рифа мы увидели около сотни нерп. Риф представлял собой каменное плато, пересеченное в нескольких местах расщелинами. Поверхность его была настолько ровна, что походила на асфальтовый тротуар.

Нерпы подпустили нас довольно близко. Небольшая группа их лежала на краю одной из расщелин, поближе к нам. У алеутов возникла мысль отрезать им путь отступления к морю и изловить одного-другого живьем. Может быть им это и удалось бы, но близость расщелины, наполненной водой, сорвала это предприятие. По ней звери преспокойным образом ушли в море в тот момент, когда промышленники бросились уже их ловить.

Когда мы возвращались обратно к своей шлюпке, за нами вдоль берега неотступно следовали потревоженные нами нерпы.

Насколько чувствовало себя в безопасности все животное население в этом огромном заповеднике, где уже много лет не производилось ни промысла, ни охоты, мы могли судить и по поведению сивучей. Прежде чем вернуться на берег, мы проехали на шлюпке к Косому камню, на котором лежали эти животные. Наше приближение вызвало прежде всего их громкий рев. По мере того, как расстояние между нами сокращалось, звери начинали обнаруживать все больше беспокойства. Вот огромный старый сивуч, лежавший в центре всей группы, приподнялся на передних лапах, растолкал своих соседей и, тяжело переваливаясь, приблизился к краю камня. Вскоре его многопудовая туша с шумом шлепнулась в воду. За ним последовал второй, третий. Начали шлепать в воду и остальные. Но к одному замешкавшемуся сивучу нам удалось подъехать так близко, что до нас долетели поднятые им при поспешном падении брызги.

Покинув камень, сивучи не обнаружили никакого намерения скрыться от нас. На некоторое мгновение мы оказались окруженными ими со всех сторон. То с одной, то с другой стороны шлюпки, почти рядом с нами, высовывались из воды их головы. Широко раскрыв пасти и обнажив острые клыки, сивучи издавали внушительное басовитое рычание. Их морды сильно напоминали медвежьи, и казалось странным, что такие мощные, хорошо вооруженные звери в сущности весьма безобидны и безопасны для человека. В литературе, впрочем, приводятся случаи, когда сивучи бросались на людей и даже преследовали их. Мне приходилось видеть этих зверей, окруженных охотниками. Но и в этот критический момент они не пытались решительным натиском расчистить себе путь к отступлению или защищаться, а только беспомощно озирались и рычали.

Потревоженные сивучи на воде

Охота на сивучей (рисунок алеута).

Вернувшись в селение из этой интересной поездки, мы узнали, что выезжавшие одновременно с нами на сивучий промысел алеуты добыли на юго-восточной оконечности острова только одного сивуча. Звери, заметив охотников, ушли, раньше чем те успели к ним приблизиться на выстрел. Так же осторожно вели себя вне полосы заповедника и нерпы. О северо-западной оконечности у меня осталось воспоминание как о каком-то огромном, совершенно своеобразном, естественном зоопарке.

Случалось подолгу „штормовать“ (пережить шторм) на северо-западной оконечности. Выезжаешь туда на день-на два, а шторм продержит там иной раз целую неделю. Так как алеуты, по своей беспечности, не берут пищи более чем на один день, приходится делиться своими запасами, но их на всю компанию хватает только дня на два. В дальнейшем переходишь на один кипяток да на выкапываемые тут же сладковатые корни, вызывающие в конце концов тошноту.

В юрташке по ночам долго не можешь сомкнуть глаз от холода. Во все щели дует, а в пургу забивает сюда снежную пыль. Возвращаешься домой совершенно разбитым, но все то, что видишь в каждую такую поездку, всегда с лихвой искупает пережитые невзгоды.

Добытый сивуч

Добытый промышленниками сивуч некоторое время лежал на берегу у селения. Это был крупный экземпляр с толстыми, длиною в полметра, прутьями усов. В первую очередь у него отрезали лапы. Они представляют самый лакомый кусок для алеутов и достаются тому, кто непосредственно убил сивуча. Ему

же достаются сердце, язык и другие лучшие куски. Остальное мясо делится поровну между всем населением.

Притащили кусок темнокрасного, почти черного, мяса и нам. Сперва мы отнеслись к нему с подозрением, так как оно сильно пахло рыбой. Но приготовленное с разными приправами оно оказалось отличным на вкус.

Великое дело приправа! Мы убедились в ее могуществе, поедая с аппетитом и нерпичье мясо и мясо всевозможных морских птиц, питающихся рыбой. Даже сильно пахучее мясо глупыша, приготовленное особым способом, становилось весьма почетным блюдом нашего стола.

Как ни смешно, а часто в наших кулинарных затеях нам помогала случайно оказавшаяся у нас объемистая старинная поваренная книга.

Мы выискивали самые изысканные блюда, для приготовления которых книга требовала откормленных орехами индеек, идеального сливочного масла, свежайших яиц, всевозможных дорогих специй. Мы без стеснения заменяли их имевшимся наличием продуктов. Вместо индеек и гусей мы брали ар и глупышей, взамен сливочного масла шло шанхайское сало. Свежие яйца с успехом заменялись размоченным сухим желтком американской консервировки. Бывали замены и посмелее: но блюда, несмотря на это, по общему признанию, выходили превосходными.

Мы могли бы издать свою командорскую поваренную книгу, где были бы собраны рецепты приготовления таких блюд, как суп из глупышей, жаркое из ар, „беф-строганов“ из сивуча, пилав из мидий и пр. и пр.

Добытый сивуч без остатка идет в дело.

Мясо со всеми внутренностями и жир употребляются в пищу, шкура идет на подошвы к торбасам и на подволоки для лыж, кишки — на изготовление камлеек, „горло“ (так промышленники называют пищевод) на голенища, наконец желудок в сильно раздутом и высушенном виде употребляется для хранения юколы.

Сивучи держатся у Командор только зимой и ранней весной, когда всякая охота сопряжена с большими трудностями. К тому же и число их теперь не особенно велико. Поэтому каждый случай добычи этого зверя составляет настоящий праздник для всего населения.

День 1 Мая был днем смотра сил молодого поколения алеутов. Утром устроили лыжные состязания. На выбранном участке, на склоне сопки, воткнули в снег ряд шестов. Состязующиеся должны были, спускаясь с сопки, лавировать между

ними. Состоялось и стрелковое состязание. Победители получили призы.

Вечером в клубе демонстрировала свои достижения школа. Это были действительно большие достижения. Еще так свежо было представление о медновских школьниках, как об ораве, не имевшей понятия о какой бы то ни было дисциплине. В минувшем учебном году дети являлись в школу, когда хотели и занимались в ней, чем хотели. Были даже случаи, что вместо занятий уроками они устраивали в ней катание на лыжах между партами, натаскав специально для этого снег в класс.

С весны место учителя оставалось вакантным, а так как новый назначенный учитель не прибыл на остров — моему помощнику предложили временно занять его место.

Новоиспеченному педагогу, хотя он и был немногим старше некоторых из своих учеников, удалось в сравнительно короткий срок перевоспитать порученную ему ораву.

В школе водворился порядок. Упорядочились занятия, развернулась кружковая работа, появилась стенгазета. Ни один революционный праздник не проходил без участия школьников, и почти всегда лучшие номера программы принадлежали школе.

Прибывший через год с острова Беринга постоянный опытный учитель окончательно утвердил школу на должной высоте.

Алеутские ребята чутко реагируют на хорошее отношение к ним и очень ценят ласку. Это и неудивительно, так как со стороны родителей они чаще всего встречают полное равнодушие к себе.

Большим распространением пользовался у алеутов обычай дарить детей друг другу. Так как часто подаренный ребенок в принявшей его семье играет роль даровой рабочей силы — с этим обычаем сейчас ведется борьба. На детей вообще ложится значительная часть всех домашних работ, кормят же их родители очень плохо. Дети в большинстве ходят плохо одетые и грязные, хотя это и не вызывается нуждой.

Школа повела решительную борьбу за оздоровление бытовых условий ребят. Горячие завтраки в школе — достижение, стоявшее не малого труда энергичному учителю — значительно улуч-

Алеут-школьник

шили общее питание детей. Еще два-три года и алеутские школьники, не сомневаюсь, будут жить в интернатах. В здоровых условиях окрепнет молодой организм.

Новое поколение алеутов будет крепким и жизнеспособным. В этом видится основной путь к укреплению и сохранению алеутской народности¹.

Погода понемногу устанавливалась, что позволяло чаще выезжать в море.

Однажды отправилось нас несколько человек на небольшой шлюпке за рыбой. Выйдя в море, мы остановились и опустили в воду поводки. Поводок — это длинный шнур со свинцовым грузилом и крючком на конце. Его опускают почти до самого дна и затем резкими движениями дергают вверх. Крючок ничем не наживляется; захватывается им случайно проходящая рыба то за брюхо, то за хвост. О богатстве рыбных запасов у Командор можно судить по тому, что за час такого лова „на поддев“ один человек свободно может добыть здесь до полусотни рыб.

Вскоре дно нашей шлюпки покрылось трепещущей рыбой.

Здесь были и крупная, большеголовая, серебристая треска, и красивые лимонно-желтые с темными полосами „судачки“² и колючая, окрашенная подчас в яркие красные тона, „калашка“³.

Нередко вместо рыбы крючок захватывал со дна то крупную морскую звезду, то черную, величиной с небольшую дыню, голотурию. Голотурии или трепанги, как известно, употребляются на Востоке в пищу. На Командорах их тоже едят в маринованном виде. Попробовали и мы этого блюда, но не скажу, чтобы нам пришелся по вкусу этот упругий, как резина, деликатес.

Но вот у одного из моих товарищей „заело“ поводок. Все попытки вытащить его оставались безрезультатными. Шнур упорно не поддавался. Пришлось прибегнуть к последнему в таких случаях способу. Шнур натянули до отказа и, закрепив его на борту, стали сильно раскачивать шлюпку. Этим достигается одно из двух: либо освобождается крючок, либо обрывается шнур.

¹ Среди алеутов сильно распространен туберкулез. Нередко самые безобидные у нас болезни у них протекают крайне тяжело. При нас был случай, когда один из пароходов завез на оба острова корь. Не переболевшие в детстве этой болезнью взрослые алеуты переносили ее очень тяжело и, зачастую, с серьезными осложнениями.

Принимаемые сейчас меры к улучшению бытовых условий туземцев позволяют надеяться, что эта народность будет сохранена от вымирания.

² Рыба из семейства терпуговых. Описанной окраской обладают самцы; наряд самок значительно скромнее.

³ Рыба из бычковых.

На этот раз шнур начал медленно подаваться, волоча за собой что-то тяжелое. Когда наконец весь шнур был выбран наружу, нашим глазам представился большой осьминог. Несмотря на то, что крючок зацепил его за самое туловище, он все же имел силы упорно сопротивляться, когда мы его тянули со дна.

Розовато-бурый сверху и белый снизу осьминог энергично шевелил своими щупальцами, усаженными рядами присосков.

Осьминог

Я подставил ему руку. Тотчас к ней крепко присосались десятки присосков. При отдирании их получилось громкое чмокание.

Алеуты утверждают, что осьминог не присасывается к руке больного человека или человека, который должен скоро умереть. Щупальцы осьминога — большое лакомство для туземцев. Зачастую они отрезают их у живого еще осьминога и тут же съедают в сыром виде. Мне с трудом удалось отвоевать этот экземпляр для своей коллекции.

Кроме обыкновенного осьминога изредка встречается у Командор и другой представитель головоногих, так называемый крючковый кальмар. Щупальцы у него усажены рядами острых крючков, имеющих то же назначение, что и присоски — удерживать добычу.

Однажды наши промышленники заметили бившегося на воде недалеко от берега глупыша. Подъехав к нему на шлюпке, они увидели его оплетенным щупальцами крючкового кальмара. Пти-

на совершенно выбилась из сил и едва удерживалась на поверхности воды, кальмар же был уже мертв. В туловище у него оказалась большая дыра, проклеванная глупышом. Очевидно глупыш попался кальмару где-нибудь на отмели, на рифу. Отсюда уже птица затащила его в море и заклевала. Но крючочки шупалец кальмара настолько крепко вонзились в жертву, что не отпускали ее и после смерти чудовища.

Покончив с рыбной ловлей, мы решили проехаться немного вдоль берега. Свернув направо от селения, мы попали в настоящее птичье царство.

Кто не знаком с так называемыми птичьими базарами, тот лишь с трудом представит себе, в какую сутолоку мы попали и какой невероятный шум поднялся вокруг нас. Базар здесь состоял преимущественно из гнезд чаек-моевок. Высокие береговые скалы были сплошь покрыты ими. Мириады моевок реяли у нас над головами. Освещенные солнцем они были прекрасны с их снежно-белым исподом, дымчатым верхом и черными кончиками крыльев.

На Командорах моевок зовут „говорушками“. Действительно это большие говоруны: где они соберутся, стоит неумолчный говор, разносящийся далеко по окрестностям¹.

Чрезвычайно живописен берег этой части острова. Причудливые пещеры и гроты, сквозные отверстия в скалах, промытые прибоем, создают сказочную картину. Летом сонмища птиц оживляют этот ландшафт. Но зимой в расщелинах диких утесов и в угрюмых пещерах только грозно грохочет прибой.

В скором времени мне удалось побывать и на других птичьих базарах. Общее впечатление везде оставалось одно и то же. Всюду поражала огромная плотность птичьего населения и производимый им неумолчный шум.

Помню один большой арий базар. На береговом обрыве, на скалах, выбеленных пометом, на ряде параллельных карнизов, в каждой выемке, крыло к крылу, грудью к морю сидело несметное количество ар. Кое-где между ними затесались и недавно прилетевшие топорки (тупики). Но последние оставались здесь недолго и, посидев некоторое время, улетали во свояси.

Ары не только заполняли все пригодные для сидения места на скалах, но и плавали на воде. Многие носились взад и вперед в воздухе.

Во взаимоотношениях птиц можно было подметить и большую нежность друг к другу и жесточайшую вражду. Я видел как две ары прижимались друг к другу и прикладывались клювами, точно целовались. И в то же время я был свидетелем упорной драки двух ар, продолжавшейся более получаса. Птицы щипали и таскали друг друга до тех пор, пока одна из них не обессилела окончательно. Она не могла уже держаться равно

¹ Сказанное относится к гнездовому периоду. В остальное время моевки не более „говоруны“, чем все остальные чайки.

на воде и поминутно валилась на бок с беспомощно раскинутыми крыльями.

При моем приближении к базару ары не обнаружили никакого беспокойства. Их всецело поглотили свои заботы. Инстинкт размножения затемнил в них в это время инстинкт самосохранения.

То же можно было сказать и о других птицах. Мне несколько раз приходилось быть свидетелем, как алеуты добывали бакланов, сидевших на гнезде, бросая в них камнями. С треском рассыпались камни у самой головы птицы. Осколки обдавали ее и сыпались в гнездо. Но баклан только поворачивал голову из стороны в сторону и встряхивался, продолжая сидеть на месте до тех пор, пока метко пущенный камень не клал этому конец.

Регулярно, но с соблюдением известной нормы, алеуты собирают по птичьим базарам яйца. Предприятие это далеко не легкое и не безопасное. Алеуту приходится карабкаться по отвесным стенам, цепляться за малейшие выступы, висеть над пропастью на веревке. Не всегда это обходится благополучно. Были случаи смертельных падений. На о. Беринга один из алеутов, упав со скалы при сборе яиц, остался на всю жизнь психически ненормальным.

Но еще, пожалуй, опаснее охота с „чиручем“. Чируч — особого рода сачок, применяемый алеутами для ловли птиц. Усевшись верхом на какой-либо высокой береговой скале, алеут ловит им пролетающих мимо птиц. Процесс этот напоминает ловлю бабочек с той разницей, что ловец здесь сидит зачастую на головокружительной высоте и в любую минуту может сорваться вниз.

При благоприятных ветрах у нашего берега появлялось такое множество глупышей, что они буквально затемняли небо. Охота на них легка, так как птицы налетают чуть ли не вплотную на охотника. При этом ни звук выстрела, ни смерть товарищей не делают остальных более осторожными.

В „глупышинные“ дни можно было выходить на берег моря, как

Лов птицы чиручем

в дичный магазин. Вместо денег нужно было только иметь при себе соответствующее количество патронов; дальше оставалось брать нужное количество птицы и возвращаться домой. Одно лишь обстоятельство несколько осложняло охоту. Убитых глупышей, прежде чем до них добирался охотник, часто подхватывали и уносили песцы. Приходилось брать с собой на охоту подручного, на обязанности которого лежало только подбирать застреленных птиц.

Весенняя охота на морских птиц на Командорах не запрещена. При исключительном обилии птиц и ничтожной численности населения она не может нанести серьезного ущерба пернатым. Зато каким важным подспорьем к столу островитян является эта дичь. К концу зимы запасы продуктов у всех иссякают, стол становится скудным и однообразным. Неудивительно, что прилет птиц, как и приближение рыбы к берегам, является на островах событием огромной важности.

Тундровые куропатки

Некоторым подспорьем в бюджете алеута является сбыт пуха добытой птицы на пароходы. Нужно, однако, оговориться, что пух глупыша — птицы, в наибольшем количестве добываемой на о. Медном, — не находит себе применения благодаря свойственному ему сильному запаху. Когда-то один изобретательный фельдшер, служивший на о. Медном, придумал какой-то химический способ уничтожения этого запаха. Говорят, уезжая с острова, он вывез с собой изрядный запас глупышиного пуха. Но через некоторое время действие специй изобретате-

ля прекратилось, и весь обработанный им пух полностью возвратил свой отталкивающий запах.

Пока глупышинный пух так и пропадает без применения. Когда хозяйки общипывают этих птиц в ветреный день, кажется, что идет серый снег. Ветер подхватывает пух, кружит его между домами селения, забивает им все закоулки, уносит в море. Действительно стоит призадуматься над тем, как использовать это зря погибающее добро.

В тундре весна входила в свои права медленнее, чем на берегу моря. Здесь долго еще все оставалось в неизменном зимнем виде; только после нескольких дождей появились наконец прогалины.

Кашкара (рододендрон) в тундре

Первого июня проходил я на очередное наблюдение в бухту Бобровую. В Песчановской пади всюду еще длинными полосами лежал снег, но речка на большем своем протяжении освободилась от снежных мостов; оттаяло и озеро.

Прогалины зеленели молодыми побегами. Точно свечки маячили здесь барашки ползучих ив, на рябине сильно набухли почки, „кашкара“ (рододендрон) покрылась крупными кремовыми бутонами, расцветала и черника. У зонтичных разворачивались яркозеленые бахромчатые листья.

На одной из прогалин я заметил пару тундровых куропаток. Самочка была уже вся в пестром летнем наряде. У самца оперение местами оставалось еще белым. Я подошел к ним шагов на 10—15, но они были совершенно поглощены друг другом и не обращали на меня никакого внимания. Нужно было видеть, как ухаживал за своей подругой бойкий петушок. Он подбегал к ней то с одной, то с другой стороны, подскакивал боком,

Вид в тундре (снято в июле; местами лежит снег)

опустив крылья и подняв хвост, описывал круги. Курочка в это время спокойно стояла на месте или медленно прохаживалась склевывая барашки с ползучих ив.

Когда я приблизился к птицам на слишком близкое расстояние они, быстро семеня ножками, перебежали на другую прогалину. То же повторилось и в другой и в третий раз. Взлетать они упорно не желали¹.

Недели через две тундра представляла еще более привлекательное зрелище. Кашкара была в полном цвету. Ее красивые кремово-белые цветы на темном фоне зелени выделялись, как огоньки или звездочки. Появились и какие-то новые синие и желтые цветы и наконец крупные, но лишенные запаха фиалки. Сновали между этими цветами шмели, ползали какие-то букашки.

Но ясные дни выпадали теперь все реже. Сопки большей

¹ Осенью мне как-то принесли молодую тундровую куропатку величиной с перепелку. Она очень быстро приручилась, шла на зов, брала из рук ягоды.

частью были окутаны облаками, а в падах лежал густой туман, из которого непрестанно моросил мельчайший дождик „бус“.

Несмотря на это небольшие снежные поля в тундре продержались местами до конца июля, одно же из них, в Бобровой пади, сохранилось на протяжении всего лета.

В короткий промежуток времени травянистая растительность достигла паразитического развития. Зонтичные могли скрыть под собой взрослого человека. Но командорские деревья — березы и ивы — оставались жалкими ползучими растеньицами, едва лишь поднимающимися от земли.

СРЕДИ КОТИКОВ

Около середины мая начался привал котиков. Ежегодно котики (принадлежащие вместе с сивучами к группе ушастых тюленей) подходят весной к берегам Командор, массами занимают определенные участки берега, размножаются здесь и осенью снова уходят на юг.

Первыми появляются у островов старые самцы — „секачи“. За ними подходят молодые самцы — „холостяки“ и наконец самки.

Тотчас же по приходе секачи начинают формировать свои гаремы. Обычно они собирают возле себя десятка полтора самок, но у некоторых гаремы состоят и из 20 и 30 самок.

Самки тут же рожают по одному детенышу, которые к осени успевают уже настолько подрасти и окрепнуть, что могут сопровождать взрослых в их длинном обратном пути к месту зимовки.

Подобно каланам, котиков раньше добывали без всякой нормы. Поэтому численность их к последнему времени значительно пала. Теперь в промысел берутся только трехлетние самцы холостяки в строго нормированном количестве.

Котиковый промысел производится со времени заполнения лежбищ. Цепь промышленников, идя вдоль самой прибойной полосы, стремится отрезать намеченной группе молодых самцов, лежащих на берегу, путь отступления к морю. Когда это достигнуто, котики небольшими партиями перегоняются на особые убойные площадки, где и производится их убой при помощи дубинок — „дрыгалок“.

Шкуры котиков экспортируются в посоленном виде и уже за границей окончательно обрабатываются¹. Кроме обычной выделки они подвергаются сложной процедуре удаления грубых остевых волос из меха² и окраске в темный цвет. Только после этого котиковый мех поступает на рынок. Едва ли бы в этом бархатистом блестящем мехе наши алеуты узнали так хорошо им знакомый грубый бурый мех котиков.

¹ Сейчас и у нас приступлено к опытам обработки котиковых шкур.

² Производится это либо при помощи заквашивания шкур по особому способу, либо путем сильного соскабливания мездры. В последнем случае глубоко сидящие корни ости подрезываются и она выпадает, в то время как пух остается на месте.

В первый раз вид огромного скопления котиков производит ошеломляющее впечатление. Я никогда не забуду моего первого выезда на юго-восточную оконечность острова, на котиковые лежбища.

Стоял один из редких ясных дней, когда мы вышли на катере в море, ведя за собой на буксире небольшую шлюпку.

Непривычно спокоен был океан. Волн не было видно совсем, и только большие пространства воды чуть вздымаясь и опускаясь, точно дышащая грудь, обнаруживали легкую мертвую зыбь.

Над морем снова стали ар. Птицы поворачивались к нам-то грудью (тогда стая казалась белоснежным облаком), то спиной (мы видели черную стремительную тучу). Справа от нас цепью проходили скалистые берега острова. Точно сеткой облекали их реюющие у своих гнезд птицы. Когда же мы поравнялись с Черным мысом, до нас донеслось странное, однотонное непрерывное рокотание, не похожее на звук прибоя. Это шумел мощный птичий базар, сплошь покрывавший мрачные скалы мыса.

Но наше внимание вскоре отвлеклось в другую сторону. В небольшом отдалении и параллельно нашему катеру двигалась шеренгой стая касаток. Их было около десятка. Поминутно показывались их черные спины с длинными острыми плавниками. Эти хищные китообразные, которых американцы заслуженно называют убийцами (killer), являются настоящей грозой для всех морских животных. Американцы находили свыше полутора десятка молодых котиков в одном желудке касатки. Касатки, как говорят, нападают даже на крупных китов и, действуя скопом, часто оказываются победителями над этими исполинами.

У Командор касатки появляются весной. Здесь они совершенно безнаказанно преследуют котиков, нерп, а возможно и каланов. Неоднократно поднимался вопрос об организации промысла касаток, но дальше разговоров дело так и не продвинулось.

Суеверные туземцы касаток никогда не трогают. „Одно время начали было у нас стрелять касаток, — рассказывают алеуты, — но потом все стрелявшие получили разные увечья во время работы. Это мстили касатки. С тех пор перестали их стрелять. Человек, который ранит или убьет касатку, — уже не жилец на этом свете.“

Касатки представляют любопытный пример наивысшего приспособления млекопитающих к условиям обитания в воде.

Командорские звери вообще дают очень показательную картину различных степеней приспособления к водной среде. Здесь можно найти все переходы от чисто сухопутных форм до чисто водных.

В самом деле, возьмем песца, калана, тюленя и ту же касатку. В то время, как песец представляет пример чисто сухопутного животного, калан во многом уже приспособлен к жизни в воде. Обнаруживается это в строении его задних конечностей, приобретших форму настоящих ластов, в цилиндрической форме тела, в особом устройстве органа слуха и других признаках. Но

наряду с этим калан сохраняет еще много черт и наземного млекопитающего.

Следующее место принадлежит тюленям. У них в строении отдельных органов и в форме тела и конечностей приспособленность к водной среде обнаруживается в значительно большей степени, чем у калана. Ушастые тюлени (котик, сивуч) обладают еще развитой ушной раковиной; задние конечности у них устроены таким образом, что могут служить для передвижения по суше (они могут подгибаться под туловище). У настоящих тюленей (напр., у нерпы) нет и наружного уха, а задние конечности утратили у них способность подгибаться под туловище.

Наконец венчает наш ряд касатка — вообще китообразные, настолько приспособившиеся к воде млекопитающие, что не так давно даже ученые почитали их за рыб.

„Все нынешние писатели о рыбах в том согласны, что кит не зверь, но сущая рыба“, — писал Российской академии наук профессор Степан Крашенинников (1786 г.).

Мы любовались как из воды, точно по команде, показывался ряд спинных плавников касаток, и описав дугу в воздухе, снова уходил под воду. Но вот две касатки отделились от стаи и приблизились к нам. Вскоре они были уже у самой кормы катера. Было жутко смотреть, как по обе стороны буксируемой шлюпки, колебля ее и с шумом рассекая воду, всплывали черные фарфорово-блестящие спины.

Немудрено, что беззаботно дремавший в шлюпке промышленник, заметив вдруг такое близкое и неприятное соседство, стрелой взлетел на катер под смех и шутки товарищей.

Песец

Калан

Котик

Нерпа

Касатка

Обогнав катер, касатки ушли по направлению к юго-восточной оконечности, быть может для того, чтобы пожить там каким-нибудь неосторожно удалившимся от берега котиком.

Но вскоре и мы приблизились к оконечности и, пересев в шлюпку, высадились на берег.

Оставив несколько человек на месте для устройства лагеря, мы двинулись вереницей к ближайшему котиковому лежбищу.

Обогнув несколько выступов берега, перебравшись через ряд каменных россыпей и огромных валунов, мы очутились перед удивительной картиной.

Весь открывшийся перед нами берег был заполнен котиками. Они лежали местами вплотную друг к другу. Там и сям высились монументальные гривастые фигуры секачей¹, между ними группировались самки и новорожденные так называемые „черные котики“²; отдельными группами расположились молодые самцы — „холостяки“.

Касатки

Заметив нас, несколько ближайших котиков тяжело поскакало к воде. Двигались они таким же способом, как и сивучи, подбирая под себя задние лапы и затем выпрямляясь и отталкиваясь ими.

Остальные котики продолжали лежать на месте, и только поднятый ими крик выдавал их тревогу.

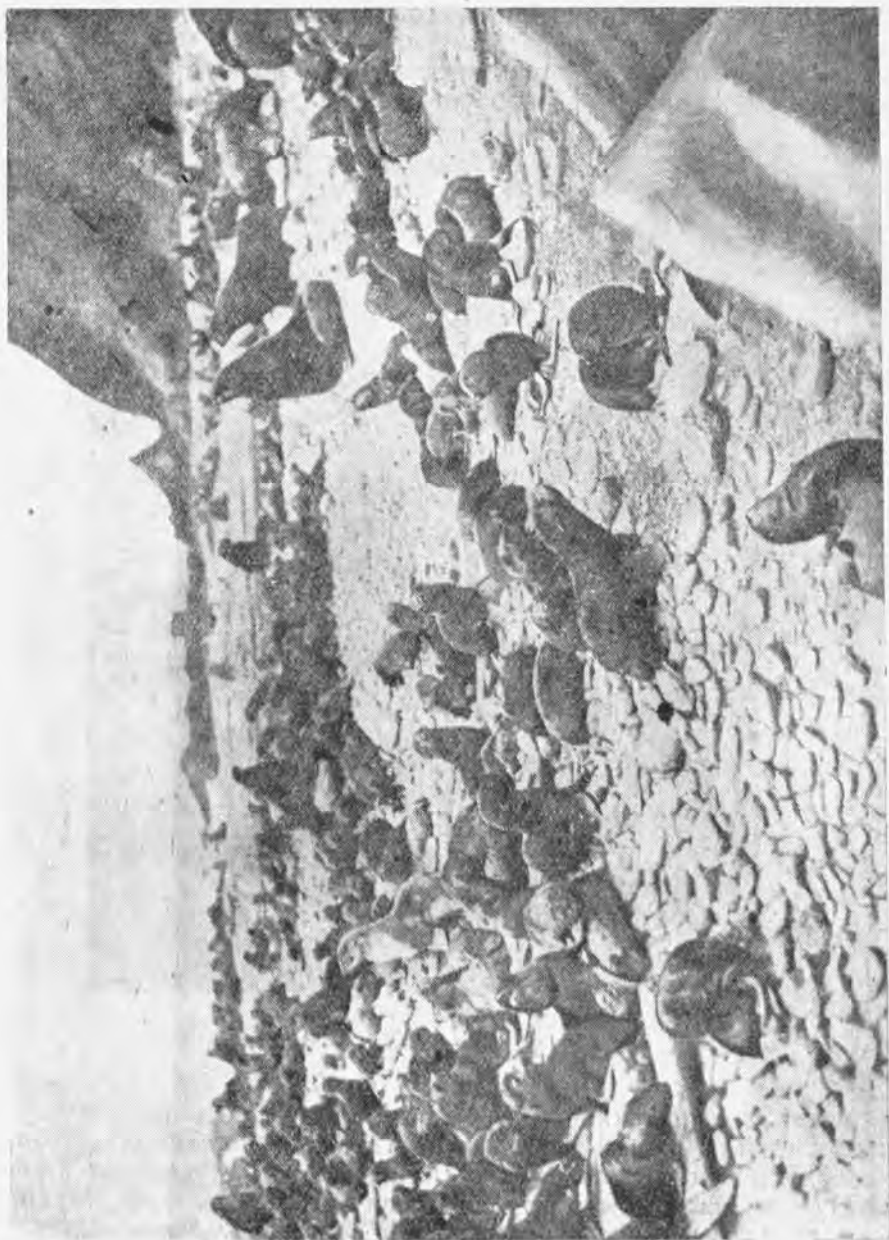
Издали их голоса напоминали бляющие овечьего стада, но вблизи крик секачей был значительно внушительнее и скорее походил на рев сивучей.

Маленькие же черные котики действительно жалобно бляли тоненькими звонкими голосками.

С помощью прикрепленного в этом месте длинного каната мы поднялись на береговой откос. Отсюда все лежбище было

¹ У секачей волосы на шее длиннее, чем на остальных частях тела, что и создает впечатление наличия у них гривы.

² Они и действительно имеют черный цвет шерсти, в то время как у взрослых котиков естественная окраска меха темнубраяя.

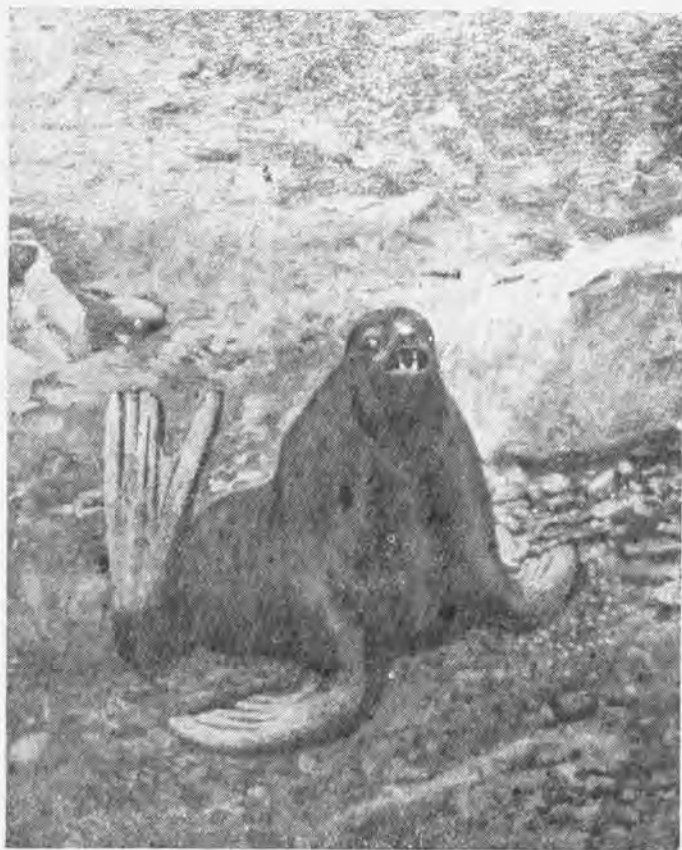

Котиковое лежбище на о. Медном

видно, как на ладони. Подобравшись к нему поближе, я долго наблюдал его своеобразную жизнь.

Котики очень скоро успокоились. Они нежились на солнце, потягивались и, точно веерами, обмахивались задними лапами.

Уморительное зрелище представляли черные котики, развалившиеся в самых разнообразных и ленивых позах — кто на

Рассерженный секач

брюхе, кто на спине. И только находившийся неподалеку от меня старый крупный секач никак не мог успокоиться. Подняв голову и вращая глазами так, что видны были налитые кровью белки, он издавал время от времени сердитое рычание. Мухи целыми роями кружились над ним и облепливали его морду. Но он, казалось, совершенно не замечал этого.

Вскоре я убедился, что не мое присутствие вызывало его гнев. Где-то совсем близко под собой я услышал рычание другого секача. Я увидел его только подтянувшись к самому краю

обрыва, возле которого лежал. Этот секач тоже был сильно возбужден, но гнев его уже вполне определенно относился к первому секачу. Он явно хотел вступить с ним в драку. Постепенно приближаясь и вытягивая в его направлении оскаленную морду он грозно рычал.

Вот наконец оба зверя оказались рядом. Через мгновение они сцепились в короткой, но яростной схватке. Рывками, с силой выбрасывая голову, противники наносили друг другу удар за ударом своими острыми клыками. На губах у них показалась пена. Они уже не рычали, а только каким-то особым образом фыркали друг на друга.

Дерущиеся секачи

Преидинок, однако, продолжался недолго. Как ни яростен был натиск атакующей стороны, преимущество было у обороняющейся, занимавшей более возвышенное положение. Точно учтя это, затеявший драку секач прекратил нападение и снова отодвинулся на свою прежнюю позицию.

Не менее интересная сцена разыгрывалась на другом конце лежбища. Из одного гарема упорно пыталась уйти в мсре молодая самка. Секач не пускал ее, загораживая ей путь своим телом и пуская в ход зубы. Возня эта продолжалась довольно долго; наконец секач, отвлеченный другой маткой, также обнаружившей поползновение уйти, на мгновение оставил первую. Этого было достаточно, чтобы она тотчас же ушла в воду. Некоторое время беглянка плавала с видимым удовольствием

вблизи своего гарема, потом удалилась и скрылась из глаз, смешавшись с другими плававшими котиками.

Вернувшись вечером к нашему лагерю, мы нашли уже все готовым к ужину и ночлегу. Возле разбитых на берегу трех палаток приятно потрескивал костер. Над ним висели котлы с чаем и похлебкой. Рядом, на дощечке, прикрепленной к воткнутой в землю палке, красовалась надпись:

Товарищ. Все готов.
Позалосто кошайте.
Стар. кухар.

Самого „старшего кухаря“ и его помощников в лагере не было. Но пока мы ужинали, они вернулись с охапками сухой травы для постелей.

Черные котики

Превосходно выспавшись, посетили мы на следующий день все остальные котиковые лежбища. Они оказались значительно меньших размеров. Одно из них было расположено таким образом, что нам пришлось пробираться между занимавшими его котиками. Один из алеутов подвергся при этом нападению двух секачей, от которых ему пришлось спастись на ближайшую скалу. Осажденный просидел тут до тех пор, пока подоспевшие товарищи не отогнали рассерженных зверей.

Случай этот дал конечно повод для многочисленных шуток.

— Секач это тебе не сивуч, — оправдывался смущенный алеут, — от сивуча никогда не надо бегать. Стой на месте и смотри ему в глаза. И он непременно остановится, а из глаз его потечет вода. А на секача сколько ни смотри, ничего не поможет...

Пройдя одно из лежбищ, в некотором отдалении от общей массы зверя мы нашли небольшую группу черных котиков. Ни одного взрослого зверя возле них не было. Они тарасили на нас свои и без того большие круглые глаза, ворчали и скалили ровные белые зубки.

Когда мы возвращались обратно этим же путем, мы нашли маленьких котиков сбившимися в плотную кучку и жалобно блеявшими. В некотором отдалении от них еще один черный котик бился в зубах песка. Хищник вцепился зверьку в мордочку и упорно тащил его, пытаясь назад. Бедный котик упирался и отчаянно блеял. Вся мордочка его была окровавлена, шкурка взмокла от испарины.

Мы отняли его у песка. Но нам было ясно, что в наше отсутствие песец его докакает: котик был худенький и слабенький.

Песцы постоянно бродят по котиковым лежбищам, поедая трупы дохлых котиков и расправляясь со слабыми и больными детенышами. Поэтому роль их здесь, в сущности, полезная. Они являются санитарами лежбища и через них частично осуществляется естественный отбор в котиковом стаде.

Вечером мы отправились в обратный путь в селение.

Скоро стемнело. За бортом нашего катера потянулась светлая дорожка, хотя луны и не было. Светилось само море. Когда мы уже съезжали с катера на берег, я зачерпнул пригоршню воды. В руках у меня заиграла освещенная голубоватым светом жемчужная россыпь. От каждого удара весла рассыпался такой же светящийся жемчуг. Трудно было оторвать взор от этого феерического зрелища¹.

НА ОСТРОВЕ БЕРИНГА

Однажды утром мы были разбужены какими-то страшными криками. Выглянув в окошко, я увидел бегавших по селению молодых алеутов. Все они непрерывно повторяли одно слово: — Парохо-о-од, парохо-о-од!

Магическое слово. Я готов был сам примкнуть к этим крикам и вопить во всю глотку — парохо-о-од.

После долгой зимы, когда даже и радио не всегда связывает с материком, мы должны были наконец получить письма, газеты, увидеть новые лица. У меня, кроме того, были связаны с парходом и другие ожидания. Учреждение, от которого зависело

¹ Свечение моря преимущественно обусловлено микроскопическими организмами из типа простейших — ночесветками, обладающими способностью излучать фосфорический свет.

осуществление задуманного мной опыта приручения калана, должно было сообщить свое решение. Каково это решение? Везет ли пароход нужные материалы для постройки питомника? Эти вопросы завладели мной, когда, присоединившись к толпе на берегу, я следил за приближением парохода.

Бесконечно долгими казались минуты ожидания. Вот пароход наконец стал на якорь. Вот вернулся высланный к нему катер, вышел на берег ездивший за почтой председатель туземного совета. Но чем вызваны эти разочарованные возгласы и жесты? И сейчас еще, вспоминая этот миг, я испытываю отголосок того горького чувства, которое овладело нами тогда. Пароход не привез ни почты, ни газет. Никто не позаботился переслать нам хотя бы несколько старых номеров.

Только тот, кто сам испытал всю тяжесть длительного отрыва от материка, может понять наше состояние.

Нечего и говорить, что никаких материалов для питомника я с этим пароходом не получил.

Следующий пароход пришел только через полтора месяца. В привезенной почте я нашел и долгожданный пакет.

— „Приветствуя мысль о приручении морского бобра, — писали мне, — считаем, однако, в отношении этого дикого и нервного животного опыт содержания в питомнике преждевременным. Для постановки опыта подыщите на острове тихую заводь — бухточку, которую легко можно было бы отгородить от моря без слишком больших затрат“...

Для тех, кто, быть может, ни разу не выезжал в море, дело представлялось очень несложным. Найти на о. Медном заводь (даже самое слово это звучало как-то странно в приложениях к Тихому океану), да еще такую, которую легко и без больших затрат можно было бы загородить (это при здешних титанических зимних штормах) — как можно было отнестись к этому предложению?!

Впрочем подобная осведомленность материка не была новостью для Командор. Всего за несколько недель до этого радиоволны принесли грозную телеграмму: „Позорно отстаете лесозаготовках, сообщите площадь леса острове, цифру выполнения“.

Если на эту телеграмму следовала информация, что „лес на Командорах не растет“, то теперь оставалось только сообщить, что Великий океан — не речка и тихих заводей не имеет...

Впрочем во всем этом было больше печального, чем веселого. С отходом последнего парохода отпала последняя возможность получить нужные для опыта материалы. Что оставалось делать дальше? Сложить оружие и успокоиться или попытаться доказать скептикам с материка безосновательность их упорной боязни подступиться к калану? Я избрал последнее. Добившись первых хотя бы самых незначительных признаков приручения зверя, я мог рассчитывать, что плотина, тормозившая все мероприятия по его освоению, наконец будет прорвана. Для этого, по моим расчетам, можно было ограничиться и примитивными

условиями постановки опыта. Можно было построить в конце концов небольшой вольер из проволоочной сетки и в нем поместить калана. Некоторые немаловажные данные могли быть получены и при таком опыте. Но и для этого все же требовался кое-какой материал. Я знал, что пути к осуществлению моего плана мне надо было искать не на о. Медном. Необходимо было снестись с о. Беринга, где, мне казалось, я мог найти людей, способных поддержать это начинание.

При первом же рейсе катера отправился я на о. Беринга.

Поездка эта, помимо прямой ее цели, представляла много заманчивого и в другом отношении. Катер наш имел задание развезти по беринговским ухажам уголь, для чего должен был обойти вокруг всего острова Беринга с заходами в большинство его бухт. Я получал таким образом возможность за одну поездку довольно хорошо ознакомиться с островом.

Ближайшее расстояние между островами Медным и Беринга — 30 миль. Мы прошли их ночью и на рассвете подходили уже к мысу Манати — южной оконечности о. Беринга.

Морская корова по изображению участников экспедиции Беринга

Еще в половине XVIII века водились у Командор массивные морские млекопитающие из отряда сирен — морские коровы или манати¹. От них и получил свое название мыс Манати, у которого в изобилии паслись на подводных пастбищах эти замечательные животные².

Морские коровы достигали 8—10 метров в длину и по внешнему виду, как и другие сиреновые, представляли соединение черт тюленей и китов (на самом деле по особенностям анатомического строения сирены приближаются к копытным).

И теперь еще на острове Беринга находят время от времени кости этих животных.

Дикие неприступные скалы мыса придают здесь острову сходство с о. Медным. Но дальше на север берега его начинают принимать более спокойные очертания.

¹ Последний экземпляр морской коровы, как полагают, был убит в 1786 г. Названия этим животным были даны Стеллером, единственным ученым натуралистом, наблюдавшим и описавшим их.

² Морские коровы питались водорослями.

Двигаясь на север вдоль восточного берега о. Беринга, прошли мы вскоре мыс Командора, о рифы которого когда-то разбилось судно экспедиции Беринга.

Обогнув северную оконечность острова с ее котиковым лежбищем, мы благополучно достигли селения Никольского.

На следующий же день по приезде посетил я котиковое лежбище. Переход к нему—то по тундре, то по сочному лугу—был легок и приятен. Он казался простой прогулкой по сравнению с любым переходом на о. Медном.

У самого лежбища стояли два домика надзора. С порога этих домиков можно было следить за всем, что творилось на лежбище. Целый день провел я здесь, наблюдая котиков. На обратном пути нагнали меня две возвращавшиеся в селение нарты, запряженные собаками. Одна из нарт шла порожняком, и каюр¹ предложил мне ее занять. 13 крупных лохматых псов (шесть пар и вожак впереди), понукаемые каюром, довольно быстро повезли меня по траве. Странное ощущение такой езды приходилось уже мне испытывать раньше на Мурманском побережье. Но там в упряжке у меня были олени и везли они меня по низкому растительному покрову тундры. Здесь же нарты двигались в высокой мокрой траве, жесткие стебли которой непрестанно хлестали меня по лицу и рукам и обильно кропили брызгами. Не скажу, чтобы такой способ передвижения показался мне особенно приятным, и я вскоре предпочел продолжать свой путь пешком.

Возможность сообщения на собаках, особенно в зимнее время,—огромное облегчение для населения о. Беринга. У медновских жителей единственным средством передвижения служат собственные ноги, и как много сил приходится затрачивать им на тяжелые переходы по сопкам, нередко с большим грузом за спиной! Беринговцы этих трудностей не знают и многие из них не умеют даже хорошо владеть лыжами.

О. Медный и о. Беринга—два острова, расположенные рядом и имеющие одно происхождение, но как различны условия жизни и работы на них! Не удивительно, что и на характере туземцев, населяющих оба острова, эта разница наложила заметный отпечаток. Алеуты о. Медного по натуре более смелы и независимы, чем беринговцы. Суровая обстановка сделала их и более выносливыми и стойкими к разным лишениям...

По временам путь мой проходил вдоль небольшой, но быстрой извилистой речки.

На каждом ее мелководьи творилось что-то поразительное. Десятки крупной „красной“ рыбы² стояли здесь, врезавшись

¹ Погонщик.

² Красной рыбой на Командорах называют нерку—один из видов лососевых.

бр юхом в дно. У многих из них спины были выставлены над водою и успели уже подсохнуть. Многие были сильно искалечены. С кровоточащими ранами и изорванными плавниками бились они в предсмертных судорогах, пока совершенно обессиленных не относило их течением к берегу. Здесь они смешивались с мертвой уже рыбой и сами тоже скоро превращались в трупы. Никто не трогал их, и даже песцы гнушались ими в это время.

Это была так называемая лощалая, т. е. отнерестившаяся рыба¹, красная рыба.

Подчиняясь своему особому закону размножения, красная рыба сплошными потоками вливается ежегодно в одни и те же речки, поднимается по ним вверх, мечет в истоках, в укромных уголках икру и, снова скатываясь вниз, массами погибает.

Обычно рыба эта имеет иссиня-серебристый цвет, но в период размножения самцы приобретают яркокрасную окраску, чешуи же у них загибаются на подобие клещей.

Красная рыба — ценный экспортный товар. Добывают ее при помощи особых „запоров“, в то время, когда она только еще заходит в речки. В своем неудержимом стремлении вперед, преодолевая быстрое течение, рыба подходит к запору, построенному невдалеке от устья. Наткнувшись на препятствие, она останавливается и в это время ее вытаскивают крючьями промышленники. Это — кустарный способ добычи. В больших речках, где ход рыбы достигает грандиозных размеров, устраивают более сложные сооружения в виде заборов, преграждающих речку полностью или частично. В отверстиях заборов устанавливаются ловушки — сетяные мешки, в которые и набивается рыба. Она идет сплошной массой, корпус к корпусу, но добывают ее по определенной норме, чередуя промышляемые партии с партиями, отпускаемыми плыть дальше.

До самого последнего времени значительное количество красной рыбы, вылавливаемой на о. Беринга, шло на изготовление юколы для подкорма песцов. Нужно ли говорить насколько нецелесообразной была такая расточительность! Теперь песцов переводят на более дешевый, но не менее питательный стол — на треску, бычков и т. п.

Через день после описанной экскурсии мы отправились с научным сотрудником о. Беринга и с командой алеутов на Топорков остров.

Остров этот расположен в четырех километрах от селения Никольского, на пути к небольшому островку Арьему или Сивучьему камню, входящему также в состав Командорского архипелага. На последнем обычно держатся зимой сивучи, летом же его занимает большой птичий, преимущественно арий, базар. К сожалению, посетить его мы не успели. Нечто совершенно особенное представляет о. Топорков. Это плоский камень с нес-

¹ Выметавшая икру.

колькими опускающимися к морю террасами и кочковатой, покрытой дерном, площадкой наверху.

Вся эта площадка (около ста тысяч квадратных метров) сплошь изрыта норами топорков. Мы с трудом могли ходить по ней, так как ноги наши то и дело попадали в отверстия нор или проваливались сквозь почву в самые гнезда.

Топорок

То тут, то там показывались из-под земли головы топорков или вся птица выходила из своего подземного жилища и, делая попытку взлететь, сразу же зарывалась в высокую траву. Чтобы полететь — топорок должен был броситься вниз хотя бы с небольшого возвышения. Взлетая с ровного места, он долго волочил по земле свое тяжелое тело, натолкнувшись же на препятствие, беспомощно бился возле него. Совершенно здоровых топорков мы ловили благодаря этому без всякого труда просто руками.

Пойманная птица громко щелкала и наносила ощутительные удары своим сильным клювом. С ней нужно было обращаться с большой осторожностью. На Камчатке был случай, когда один из участников шведской экспедиции (в 1921—1923 гг.), неосмотрительно приблизив лицо к топорку, получил от пти-

цы настолько сильный удар, что верхняя губа его оказалась раскроенной надвое. Бедный швед на всю жизнь остался с „заячьей губой“.

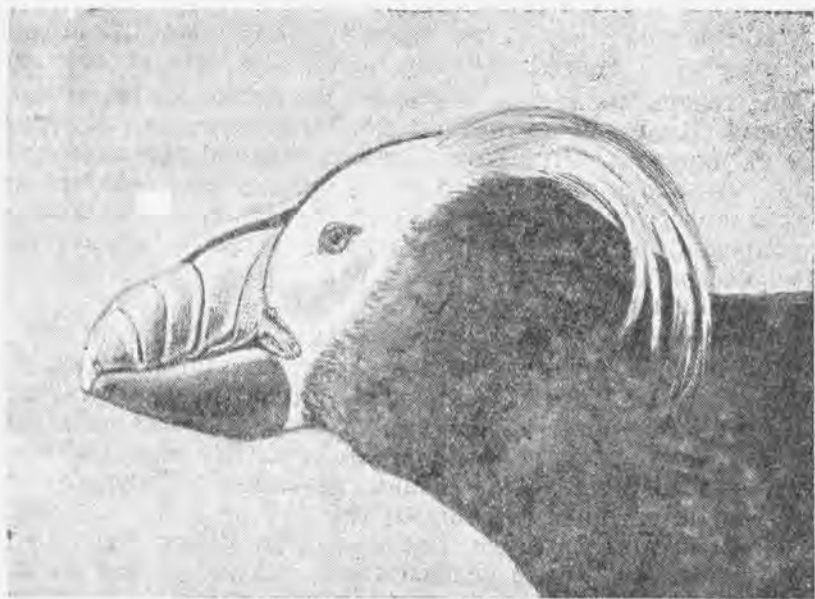
Топорок — оригинальная птица средних размеров, черного цвета, за исключением белой лицевой части и двух кремово-желтых пучков, свешивающихся с затылка. У него красные лапки и высокий сжатый с боков клюв. Последний украшен рядом поперечных бороздок и по окраске представляет сочетание зеленого, оранжевого и красного цветов. За его сходство с топориком

ком и получила свое название птица; в то же время в ней есть и что-то напоминающее попугая.

Мы растревожили население островка и вдогонку нам долго еще неслись дребезжащие звуки, напоминающие ворчание, и протяжные слегка гнусавые крики: „Ого-о-мп, ого-о-мп“.

К концу этого дня вышли мы в обратный путь, на о. Медный. Ночью, в полной тьме продвигался наш катер вдоль берегов о. Беринга. Слабые полосы света от ходовых фонарей казались несоответственно яркими, но тем чернее было за их пределами.

Голова топорка

Вдруг под килем что-то загрохотало, катер затрясся, точно безрессорная телега на избитой мостовой, и стал как вкопанный. Суденышко наскочило на риф. Чтобы снять его, пришлось провозиться до рассвета. С большим риском (в трюме обнаружилась течь) перешли мы на нем пролив и в скором времени подходили уже к бухте Преображенской на о. Медном.

Миссия моя увенчалась успехом. Теперь я имел кое-какие необходимые для задуманного опыта материалы, имел и предписание о. Беринга об оказании мне полного содействия в этом деле (о. Медный находился в административном подчинении у о. Беринга). Но на месте нашлись всевозможные причины, оттягивавшие начало работ.

В конце концов благоприятное время было упущено, и постройку клетки для калана пришлось отложить до весны.

ВТОРАЯ ЗИМОВКА

Непродолжительно лето на Командорах. Быстро надвигалась осень. На море это сказывалось более частыми штормами, в тундре — изменениями в растительном покрове. В последнем можно было наблюдать любопытное явление. В то время, как места, рано обнажившиеся от снега, были давно покрыты летними цветами — рядом с ними, на участках, с которых только что сошел снег, цвели такие типично весенние цветы, как фиалки.

Появилось множество грибов по отлогим склонам. Густой зеленый ковер вороницы — „шикши“ — давно покрылся черными бусинами ягод. Созрели ягоды и на кустах черники и рябины.

В жизни животных также происходили перемены. Молодняк был выведен и многим предстояло длинное путешествие на юг.

Ары теперь держались все время на воде вместе со своими птенцами. Вылетели из гнезд и молодые глупыши. Алеуты ловили их чиручами; птицы оказывались сплошь залитыми салом¹. Мало оставалось котиков по лежбищам. Звери больше держались на воде, усиленно нагуливая тело. Маленькие черные котик подросли, вылиняли и превратились в серых. Когда пришло время массового отвала котиков, они уже вполне владели техникой плавания.

У песцов молодняк начинал переходить к самостоятельной жизни. Можно было еще наблюдать самца, по привычке тащившего к своей норе подобранную на лайде птицу или рыбу. Но при дележе добычи между всем семейством он не вел уже себя с прежней рыцарской самоотверженностью. Все чаще доставалось от него не в меру жадничавшим детенышам. Порой в семье происходила сплошная грызня, в которой принимали участие и папаша с мамашей и детки. Песцовые семьи распадаются рано, когда молодые песцы не успевают еще вполне окрепнуть и сделаться самостоятельными. Отсюда нередки между ними случаи гибели от голода. Случается также, что неопытные песцы, зайдя далеко на риф, захлестываются волной прибоя или, охотясь за птицей, падают со скал и разбиваются.

Только у каланов все оставалось без видимых перемен. По-прежнему покачивались они на воде и беззаботно кувыркались в волнах, по-прежнему можно было наблюдать между ними самок с маленькими детенышами на груди². Только участвовавшие штормы заставляли их теперь больше придерживаться берегов. Им не предстояло никакого путешествия, и жизнь их текла по своему обычному неизменному руслу.

¹ Молодые глупыши совершенно не имеют неприятного запаха, свойственного взрослым птицам. Вытопленный из них жир представляет великолепный кулинарный продукт. Жир этот отличается особенностью не густеть, и алеуты применяют его еще в качестве смазочного вещества для оружия.

² Размножение у каланов не подчинено определенным срокам.

В середине октября выпал первый снег на о. Медном. Остров вступил в полосу длительного зимнего оцепенения.

Описывать полностью вторую зимовку на Командорах значило бы во многом повторяться. Для нас эта зимовка отличалась тем, что провели мы ее не в селении, а в бухте Песчаной, в пустовавшем до этого домике промыслового надзирателя.

Живя в Песчанке, я мог значительно участить посещения бухты Бобровой. Разрешение не придерживать слепо так называемых „благоприятных ветров“ было наконец получено.

Регулярно отправлялся я с приставленным ко мне алеутом на наблюдения.

Возвращаясь вечерами домой, уже с перевала между Бобровой и Песчановской падами, я мог видеть вдаль приветливый огонек нашего жилища. Вид его и сознание, что теперь уже нет надобности карабкаться через сопку, чтобы попасть обратно в селение, помогали побеждать усталость.

Вместе с двумя алеутами, жившими в караульном помещении недалеко от нас, мы были изолированы теперь не только от материка, но и от селения. Песчановский телефон, по своему обыкновению, после первого же сильного шторма не действовал, и только изредка являвшиеся из селения посыльные знакомили нас с происходившими там событиями.

Трудновато приходилось временами в Песчанке. Чтобы сделать запас пресной воды, мы должны были всякий раз прокапывать глубокий колодец в мощном слое снега, покрывавшем озеро. В хорошую погоду это физическое упражнение было даже приятно, но дело принимало иной оборот, когда приходилось доставать воду при разыгравшейся пурге. Колодец заметало снегом, прежде чем мы успевали набирать достаточное количество воды; ветер сбивал с ног при подноске воды к дому. Иногда при особо сильных и длительных пургах приходилось совсем отказываться от этого предприятія и употреблять невкусную воду из оттаявшего снега. Впрочем к этому мы прибегали редко, так как снег сильно охлаждал и без того низкую температуру в нашем домике¹.

С топливом у нас также случались серьезные перебои. Плавниковый лес мы запасли еще с осени. Забросили нам из селения на шлюпке немного угля. Но он скоро иссяк. Пришлось перейти на один плавник, но и его запасы скоро кончились, а между тем погода не позволяла надеяться на скорый подвоз второй партии угля.

Как мы могли разрешить нашу топливную проблему? Принялись мы за накат старого разрушенного погреба. Этого хватило ненадолго. Тут как раз подоспел песцовый промысел. Жирные тушки песцов обычно выбрасываются промышленниками без

¹ Снежная вода лишена многих солей, растворенных в обычной пресной воде. Благодаря этому, помимо неудовлетворительных вкусовых качеств, продолжительное ее употребление вредно отражается на организме.

всякого применения. Мы решили использовать их в качестве топлива. Разрубленные на части замороженные куски пошли в печь. И нужно было видеть как прекрасно и долго, с гулом, который нам казался настоящей музыкой, горели они, докрасна раскаляя железо печки. Так продержались мы еще несколько дней, пока не получили наконец топливо из селения.

Случались и другие затруднения в этой зимовке. Но зато как хорошо бывало, проснувшись в ясное солнечное утро и выглянув в окошко, увидеть стайку пуночек, подбирающих крошки у крыльца совершенно так же, как это делают наши воробьи. Или, выйдя из дома и сделав десяток шагов, поднять табунок белоснежных куропаток.

В погожие дни приятно было выходить в бухту Бобровую, особенно если лежал хороший лыжный путь. Весело поскрипывал снег под лыжами, искрилась снежная пыль, вздымаемая при спусках. Свободное легкое движение на лыжах само по себе было необыкновенно приятно. В один такой, располагающий к общительности день мой спутник алеут, после хорошо выполненного мной спуска, заметил:—„А ты теперь можешь жить на Медном. На лыжах ходить умеешь“... Высшая похвала, которую мог выразить алеут: признать человека с материка способным приобщиться к высокому счастью жить на его острове.

ЗАВЕСА ПРИПОДНЯТА

Зимовка в бухте Песчаной представляла для нас, пожалуй, самое лучшее время за все пребывание на Командорах. Однако с первыми же весенними днями мы должны были снова возвратиться в селение.

Опыт приручения калана, оттягивавшийся в течение целого года, наконец приближался к своему осуществлению. Ничем непреодолимое сопротивление сузило его масштаб до жалких размеров. Вместо проектированной просторной светлой вольеры с постоянно свежей водой я получил для опыта старый полу-сгнивший давно нежилой алеутский домишко.

Долго колебался я, прежде чем решил им воспользоваться. Но полуторагодичное знакомство с каланом окончательно утвердило меня в убеждении, что зверь этот должен легко поддаться приручению. Нужно было во что бы то ни стало сделать первый шаг в этом направлении.

Приспособление домика под клетку потребовало немало работы. Нужно было вырыть бассейн, оцементировать его, отвести от домика стекавшую с сопки воду, затянуть сеткой окна, пол засыпать галькой, наконец хоть немного осушить домик (для этого применялись и железная печка и примуса).

Все эти подготовительные работы волновали не только меня. Сохраняя внешне невозмутимое спокойствие, туземцы с жадным вниманием следили за всеми моими приготовлениями. По се-

лению ходили разные толки. Кто то распространил слух, что каланов начнут увозить с острова, чтобы совсем переселить их в другое место. Нашлись „доброжелатели“, которые советовали мне отказаться от опыта, намекая на неприятные для меня последствия в случае его удачи. В результате поведенной разъяснительной кампании нам все же удалось в значительной степени успокоить население.

В начале марта выдалась благоприятная погода для поездки за каланом.

Достигнув северо-западной оконечности, наш отряд из двенадцати человек, снабженных сетями и ящиком для зверя, высадился в бухте Лагерной. В полный отлив отправились мы гуськом в обход оконечности, рассчитывая найти на берегу спящего калана. Долго наши поиски оставались безуспешными. Почти уже потеряв надежду, взобрался я на ближайшую скалу, чтобы лучше оглядеть окрестности. Но в тот самый момент, когда я подносил уже руку с биноклем к глазам, я заметил в оставленном внизу отряде какое-то волнение. Вот несколько человек отделилось и пригибаясь, побежало вдоль полосы прибоя. За ними последовало таким же способом еще несколько человек. Оставшиеся на месте поспешно разворачивали сети.

Поняв в чем дело, я кубарем скатился со скалы. Вот что я увидел, прибежав на место. В нескольких метрах от моря, на обсохшем во время отлива рифе, в нерешимости вертелся на месте калан. Путь к отступлению ему был отрезан нашими застрельщиками. Временами калан подходил к их цепи, но крики заставляли его снова поворачивать обратно. Промышленникам никак не удавалось развернуть запутанные в спешке сети. Долго продолжалась эта возня, но подступиться к калану иным способом никто не решался. Наконец зверь приблизился к небольшому углублению, наполненному водой, и преспокойно улегся в нем, перевернувшись брюхом вверх. Весь вид его будто говорил: „Ну что же, посмотрим что будет дальше“.

Однако, когда к нему подступили с сетями, так и не распутанными окончательно, калан снова поднялся и решительно направился к морю. Среди людей — замешательство: как остановить зверя? Палками бить его нельзя — схватить же и задержать руками не позволял суеверный страх.

Видя что добыча вот вот уйдет от нас, я решил испробовать последнее средство. Приблизившись к зверю сзади, я быстро схватил его за хвост и одну из задних лап и без особого труда перевалил в поднесенный в это время ящик. Застывшие при виде этого необычайного зрелища промышленники теперь стремительно бросились закрывать за страшным зверем ящик.

Когда мы приехали в селение, уже совсем стемнело. При свете фонарей отнесли мы и выпустили нашего пленника в приготовленное для него помещение.

Долго мигали в эту ночь огоньки в окнах селения. Событие волновало, гнало прочь сон. Бобра привезли живым... Предсказаниям стариков наносился первый удар...

Ночью несколько раз подходил я к клетке, но калан, видимо, лежал все время на одном месте, так как в ней царила полная тишина.

На рассвете я снова посетил ее. Прикинув к наблюдательному отверстию клетки, я с трудом различил в сером сумраке уходящей ночи неподвижное темное тело калана. В первое мгновение у меня мелькнуло подозрение, что зверь мертв. Однако с течением времени я начал различать слабые его движения. Калан временами вздрагивал, шкура на нем то собиралась в складки, то разглаживалась снова. Мерно вздымавшиеся бока и вся поза его говорили о том, что он спит.

Но вот он потянулся, осмотрелся по сторонам, тяжело поднялся и пополз шумя галькой к бассейну.

Калан не обнаруживал никаких признаков страха и, казалось, не думал пытаться уйти из плена. Приблизившись к бассейну, он тихо спустился в воду. Тут я увидел в двух шагах от себя то, чем так часто любовался в бинокль во время моих наблюдений в море. Зверь сперва робко, но затем все смелее и смелее барахтался в воде, поднимая столбы брызг. Он вертелся то спиралью, то колесом, нырял, выходил из бассейна и снова в него прыгал. Выйдя окончательно из воды, калан улегся на гальке и долго растирал себе шкуру лапами. Он громко сопел и отдувался и всем видом своим напоминал скорее какого-то добродушного мешковатого парня, чем дикого зверя, только что попавшего в неволю. За эту наружность мы и прозвали его Фомкой.

К вечеру я заметил, что Фомка усиленно что-то ищет, расхаживая по всей клетке. Предположив, что он ищет пищу, я потихоньку подбросил в клетку морского ежа. Но Фомка его не заметил и вскоре снова успокоился, улегшись на краю бассейна.

Через некоторое время, когда я снова подошел к клетке, оттуда донеслось мирное чавканье и хруст. С волнением прикинул я к окошку. Фомка лежал на спине и, вертя в передних лапах ежа, ловко вылизывал содержимое проломленного панциря.

Потихоньку приоткрыв дверь и проснувшись наполовину в клетку, я подсунул второго ежа. Фомка бросил на меня тревожный взгляд и зашипел, но нащупав лапой ежа, тотчас же подхватил его и быстро разделался с ним. Я с трудом верил своим глазам. Но следующий день готовил мне еще больший сюрприз. Приоткрыв дверь клетки и бросая ежа за ежом, я заставил в этот день калана подойти к себе вплотную и даже взять ежа из моих рук.

Вскоре Фомка сам уже подходил ко мне за кормом, если же я задерживался за дверью клетки, он тыкался мордой в одно из нижних наблюдательных отверстий и протягивал в него лапу. Я мог брать эту бархатистую лапу в руки и поглаживать зверя по влажному носу.

Как-то бросил я в бассейн клетки крупную живую треску.

С необычайным оживлением последовал за нею в воду Фомка. Одно короткое мгновение пробыл он под водой и уже снова появился на поверхности, обнимая обеими лапами пойманную рыбу. Но треска билась, выскальзывала, Фомка снова ее ловил. Наконец он перегрыз ей хребет и с аппетитом принялся уплетать. Фомка никогда не обнаруживал намерения кусаться. Это было симпатичнейшее из всех виденных мною в неволе животных. С каким доверием шел он на зов ко мне и к моему другу, делившему со мной все заботы о пленнике! А забот с ним было не мало. Поднималась пурга, корм весь выходил, а послать за ним было некого. И мы отправлялись вдвоем на рифы бродить в снежной мгле и завирюхе в поисках ежей. Чистить клетку также приходилось нам самим, так как никто еще не решался заходить в нее. Вековое предубеждение не могло исчезнуть в такой короткий срок. Но мы особенно и не сетовали на это. Сколько незабываемых часов провели мы в этой темной, невзрачной клетке. И, когда зайдя однажды к Фомке, мы нашли его мертвым, мы ощутили это как потерю близкого нам существа...

Калан с треской

Полное приручение Фомки было слишком поразительно, чтобы скептические умы могли сразу примириться с этим фактом. Как туземное население, так и русские служащие, упорно стоявшие за невозможность приручения калана, искали выход во всевозможных гипотезах. Некоторые утверждали, что Фомка был особым зверем, бежавшим из цирка, из Америки; начальник же острова серьезно доказывал, что калан просто сошел с ума от страха от всего случившегося с ним. Были и другие толкования.

Положить конец упорному недоверию можно было только повторным опытом. Я почти не сомневался, что основной причиной гибели первого ручного калана была неудовлетворительность помещения в гигиеническом отношении. Но получить что-либо лучшее я не мог.

Скрепя, сердце водворил я в ту же, правда хорошо вычищенную, клетку второго калана. Описывать его поведение значило бы в точности повторять все сказанное о первом калане. Этот экземпляр отличался от Фомки лишь большей энергичностью и подвижностью. Назвали мы его Бекон.

Бек прожил несколько дольше Фомки и погиб в то время, когда эффект его приручения достиг максимальных пределов. Бек уже ходил за мной, как собака за хозяином, становился передними лапами мне на грудь и позволял гладить себя.

В режиме питания обоих каланов существовала довольно значительная разница. Фомка жил у нас в то время, когда штормовые погоды не позволяли бесперебойно доставлять ему свежую пищу, и нам приходилось иногда скармливать ему мороженую рыбу, „уснувших“ ежей. Бек же находился в более благоприятных условиях и получал всегда пищу в живом виде.

Между тем признаки заболевания у обоих каланов были совершенно тождественны. Это еще более подтверждало предположение о том, что причиной всему было неудовлетворительное помещение. Плохая вентиляция, сырость и темнота благоприятствуют развитию различных болезнетворных микроорганизмов. Они-то, повидимому, и были причиной гибели обоих животных. Как бы то ни было, опыт доказал полную приручаемость калана. В этом и заключалась его основная цель.

Можно было надеяться, что он даст решительный толчок к осуществлению дальнейших мероприятий по освоению драгоценного зверя. Но здесь уже должны были выступить на сцену зоотехники и звероводы.

Годичный цикл наблюдений над каланами был закончен, и я собирался выехать с первым же пароходом на материк. Сборы в дорогу подходили к концу, когда однажды в опустошенную уже комнату заглянул ко мне один из молодых алеутов. Зашла речь о проведенных опытах.

— Бобр что, он жить будет,— услышал я к своему изумлению,— только воздуха ему надо дать больше, чтобы ветер его продувал... А жить будет... Так все у нас говорят...

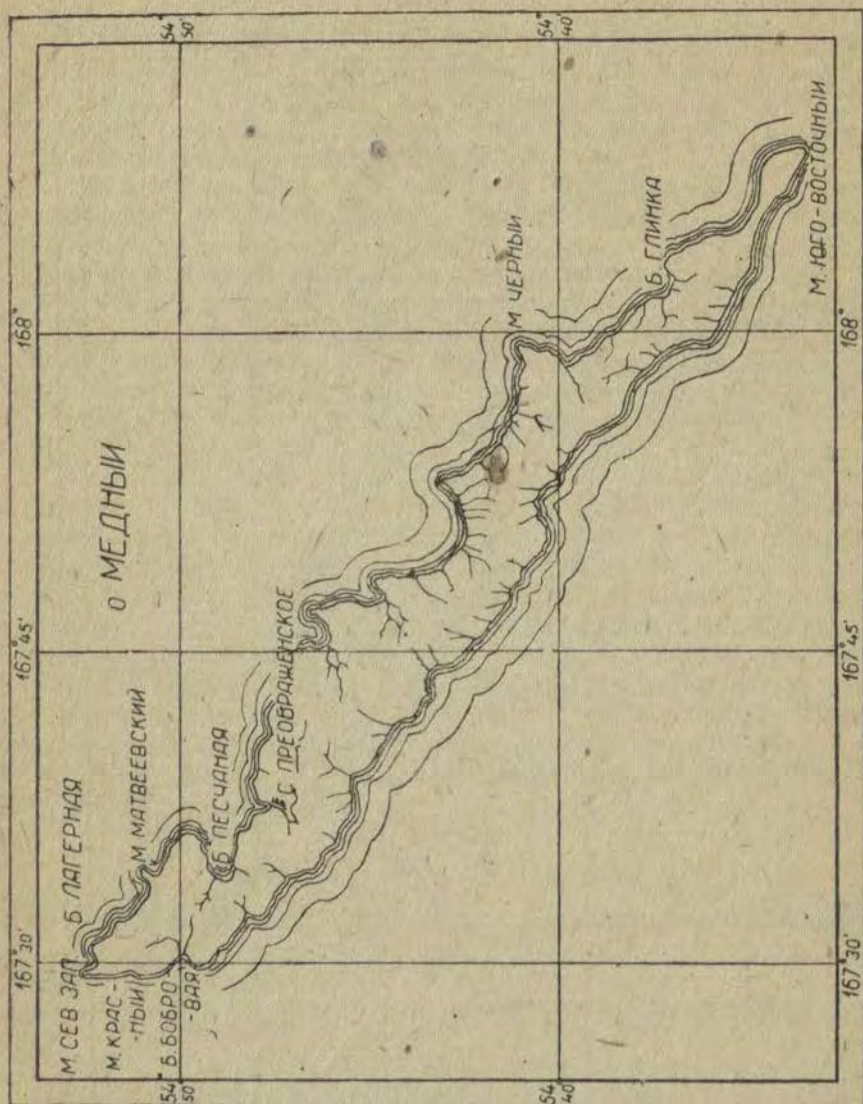
Это признание было лучшей наградой, возместившей все то, что пришлось мне пережить во время борьбы за развенчание калана.

— А старики как?— не удержался я.— А помнишь, что толковали у вас раньше о бобре?

Алеут только махнул рукой и усмехнулся.

Карта о. Беринга

Карта о. Медного

Ответственный редактор Н. Бобринский. Редактор Е. Донцова. Технический редактор Ю. Барсукова. Выпускающий Г. Петухов.

КОИЗ № 105/178. 5,75 п. л. × 46.000 зн. Формат 62 × 94/16 Сдана в набор 21 июля 1934 г. Подписана к печати 25/XI 1934 г. Главлит В-98868 Зак. 166. Тир. 4.0 0 экз.

11-я тип. Мособлполиграфа, 2-я Рыбинская, 3.

ВСЕСОЮЗНОЕ КООПЕРАТИВНОЕ ОБЪЕДИНЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО КОИЗ

- ШИБАНОВ С. В. — Промколхоз «Путь Ленина»
(печатается).
- МИХАЛЕВ А. М. — Торговля на Крайнем Севере.
24 стр., ц. 30 коп.
- НАСИМОВИЧ А. А. — Заготовка дичи на Крайнем
Севере. 100 стр., 10 рис.,
ц. 1 руб. 40 коп.
- БУТКЕВИЧ. В. А. и — Сезонные работы в оленевод-
МАЛЫШЕВ В. А. ческих хозяйствах. 63 стр.,
22 рис., ц. 1 руб.
- ЛЬВОВ В. И. — Бобры и их разведение. 28 стр.,
7 рис., ц. 40 коп.
- МАНТЕЙФЕЛЬ П. А. — Соболь (печатается).
- ФОРМОЗОВ А. Н.,
НАУМОВ Н. П. и — Экология белки. 128 стр.,
44 рис., ц. 3 руб. 25 коп.
- КИРИС И. Д. — Плашки. 20 стр., 5 рис., ц. 30 коп.
- НАУМОВ Н. П. — Тюлени СССР. Сырьевая база
морского зверобойного про-
мысла. 105 стр., 18 рис.,
ц. 85 коп.

КНИГИ ВЫСЫЛАЮТСЯ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ

АДРЕС ДЛЯ ЗАКАЗОВ:

1. Москва, Неглинный проезд, 23, КОИЗ.
2. Ленинград, 11, Гостиный двор, Суровская линия,
127, отделение КОИЗа.

ДЛЯ МОСКОВСКИХ ПОКУПАТЕЛЕЙ:

- а) Киоск КОИЗа, Неглинный проезд, 23, 1-й этаж.
- б) Магазин МОГИЗа № 9, Петровка, 5.